

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Благослови, Господи, написать свою биографию исправно.

Родился я 18 января 1891 года в станице Кумылженской Хоперского округа Донской области России. О жизни своей я вспоминаю с восьми лет от рождения. Был случай такой: в станице некоторые хозяева сели на своих огородах ранние арбузы. По соседству с нами были посеяны арбузы, мы вдвоем с моим приятелем заметили это и решили использовать. Собрались и пошли на охоту. Пробрались скрытыми путями к своей намеченной цели, и принялись за свое дело с такой энергией, что не заметили хозяйки. Стали выбирать, какие побольше, начали своим способом их разбивать кулаками, которые красные на вид и подходящие на вкус кушать, а {те что} не по вкусу – сбрасывать в яму. Хозяйка видя это {не стала нас беспокоить своим шумом}, решила подловить нас выждала и так аккуратно к нам подкралась, что мы при своей энергичной работе не заметили ее приближения. Она похватила нас за рубашки, но удержать не могла при нашем быстром порыве, и мы помчались каждый своей дорогой домой, рассуждая про себя, где найти то место, чтобы не нашли меня. Я решил спрятаться в доме, в котором лето не жили, только отдыхали родители по праздникам, двери, окна были закрыты от мух. Я вскочил в пекарку, в которой во время лета жили. Схватил рубашку, переменял. Бабушка это заметила и спрашивает, почему я сменил рубашку, наверное, порвал. Я для оправдания, что порвана, показал ей, и моментально шмыгнул в дом и в горнице за сундуком скрылся.

Через малое время входят в дом бабушка и хозяйка, у которой полон фартук набитых арбузов, всячески старались меня вызвать, но успеха не имели, вышли из дома. Через малый промежуток бабушка входит одна и со слезами меня зовет: «Афоня, где ты есть, выйди и покажись мне, я тебя ничего не сделаю и дам тебе конфетку. Я посмотрел, что бабушка одна, только две ноги мне видно, уверился в том и вышел, бабушка обрадовалась, со слезами стала меня целовать и дала мне конфету. Выходим из дому, ворота отворяются, и въезжает отец с поля. Хозяйка с разбитыми арбузами его встретила и рассказала ему все. Увидев я отца закрутился, но он мне шумит ласково: «Афоня, что же ты не рад, что папа приехал, раньше бежал встречать, а сейчас ни с места не трогаешься». Когда я услышал его, я представил себе, что отец ничего не знает, и стремглав побег к нему, он взял меня поднял, поцеловал, {затем подойдя к коням}, он отпряг их и пустил на баз. Взял меня за руку, и стал расстегивать на себе узенькую пряжку. Я понял, в чем дело. Стал крутиться-вертеться – не тут то было. Зажал меня между ног и начал меня sprыскивать, приговаривая, кушай, но не порть.

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Когда он пустил меня, я не знал, что делать, все горело у меня, и я только повторял: «папенька, я больше не буду». И этот случай я хорошо до сих пор помню! В том же году оставила нас бабушка. Осенью я поступил в школу, учился я неплохо. В станице у нас было три школы двух классов, приходская и женская церковно-приходская и рукодельная. Старший учитель он же и заведующий был Федор Н{неразборчиво} Крымцев, он же регент церковного хора. Жил при школе. Имел свой собственный пчельник. Во время первой {неразборчиво} войны каждое воскресенье выходил в круг около церкви и читал газеты за неделю новости с фронта. Учась я в школе, я каждый год получал похвальный лист, и отец моментально вставлял в рамку под стекло и вешал в горнице рядом с иконами. На третьем году к Рождеству я совсем стал плохо учиться, причину учитель сразу узнал, он позвал отца к себе и расспросил его, кто у вас грамотный и отвлекает сына заниматься тем, что ему нужно. Отец сказал – дедушка, и они с ним большие друзья, всегда и везде вместе. Отцу учитель посоветовал, чтобы он попросил деда со мной не заниматься, особенно своими книгами – жития святых или какие-нибудь военные. Дедушка было обиделся, но отец убедил его в том, что он отвлекает меня от своих уроков, дед смирился, и я к концу года опять вышел в первые ученики. Учитель советовал мои родителям, чтобы отдали меня в двухклассное училище, и я стал ходить. Успехи были неплохие, и я доучился до весенних полевых работ. Меня отец забрал подгонять быков во время полевых работ. В следующем году учитель опять пришел к отцу, стал его уговаривать, чтобы меня отдал опять в школу в пятый класс. Отец согласился. Я опять стал ходить, но доходил опять до того времени. Отец опять забирает меня, здесь с дедом у них вышел скандал. Дед за свои деньги нанимал погонщика, чтобы оставить меня в школе. Но отец заупрямился и говорит. Мне не нужны учителя, а нужны работники. И так я {перестал?} посещать школу. Я думаю, что причина тому, что отец был неграмотный, и он не отдавал отчет, что делал своим упорством. Я очень способный был писать стихотворения. И я написал по просьбе моей тети. У нее утонула дочь, мальчик 4-лет остался сирота. Его отец – муж матери, в то время находился на службе, узнал о том горе, заболел чахоткой и умер. Мальчик последнее время доживал у нас {неразборчиво}

Стихотворение это начиналось так:

*Расскажу я вам, братцы повесть,
Не взирая на судьей,
Не отрадна эта новость,
Горькая участь людей.
Вы подумайте и представьте,
Как то горе пережить,
Разсудите и оставьте,
Нужно плакать и тужить,*

Афанасий Петрович

НИКИТИН

*Не было такой картины
Во всех временах народа
И незаконной той причины
Живших 1903 года
24 мая на 4-м году
Случилась статья такая
Нам Господь открыл беду.
Случилось не на границе,
А на Дону в Зотовской станице
Бывает праздник явление
Иконы Божьей Матери
У часовни помолились
И ко храму собрались
Вода страшно полилася
И в минуту в одну
В момент полон набралася
Паром быстро шел ко дну.
О, ужасная картина
Пред глазами смерть была
И внезапная причина
Всех к гибели вела.*

Странных мысли обуяли
Поспешить обратно в путь
Чужестранцы все толпами
Стали двигаться к пути
Все обратными тропами
С Божьей помощью пройти.
Многим нужно переправляться
На тот бок Хопра реки
Все душевно веселятся
С Крестным знаменем руки.
Переправа тут настала
В сердцах страсти не гасят
На паром народу стало
Числом двести шестьдесят.
И поплыли все в надежде
Не предчувствуя страх,
Но Господь открыл им прежде

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Смерть внезапную в глазах.
Паром ветхий проломился
На глубь Хопра реки
Народ страшно изумился
И мгновения руки.
В груди сердце раздиралось
На такой смотреть изъян
Как страданье раздавалось
Православных христиан.
К ним стремились на подмогу
Всех старались их спасти
Но Господь помог спастися
Только сотне человек.

А остальным нет пути, те погибли на весь век

Живя с отцом и работая в поле летом, а зимой бегая в станичное правление вместо подписчика писал приказы по хуторам, но стихотворство не оставлял и написал одно стихотворение за одного старика гвардейца, как он решил сменить свою жизнь одинокую на семейную.

*Не на турецкой границе, а в Кумылженской станице
На голоском хуторке жил в самом уголке
Проживал господин гвардеец один,
А хотите если знать, то я скажу, как и звать
Зовут его Егор Птахин
По молодости и воле лет семидесяти не боле
Вот об нем идет статья, о которой скажу я.
Что могло было случиться, стал на старости беситься,
И не долго старик думал, дело важное задумал
Порешил одно жениться, и во сне то уже снится,
Ума больше накопится, и в законный брак вступиться,
Он не долго рассуждал, дом кому-то свой продал,
Хоть немного скружился, но деньжонками разжился
Вдруг у места и явилась невеста
Как цветок лазоревый в поле, лет шестидесяти, не боле
Очень важна припевна, звать Аксинья Алексевна
Если правда и не врут, то телятницей зовут
Ото всей такой привет по прозванью пройди свет*

Афанасий Петрович

НИКИТИН

*Не дошла ли до границы все отведали станицы
Птахин с ней стал советоваться и браком сходиться
И девятого мая случилась статья такая
Перешел из ада в рай на самой на Николай
Дело было просто срам, людей набилось полон храм
Все расширились было в церкви передушились
Жених трясся от волнения или от старости смущения
Первертели перевенчали, на квартиру их пешком помчали
Всякий шел чуть не с плаком, поздравлял их законным браком
А Птахину была отрада, он твердил так и надо
Всех усердно благодарил и закусками дарил
Ликовали птицы и звери, что он в красном был мундере
Во всех качествах хороших, и телятница была в галошах
Но довольно было смеху, всей станице на потеху
Пришлось старому холере жить на чужой квартире
Людей к себе приглашать и всех чаем угощать
Свою радость изъевляли, кренделями одаряли
Ночевать старик решился, но уголка своего лишился.
Теперь свищет наконец что потровушка кузнец
Знать что участь и судьба зато у Егора Емельяновича телятница жена*

Жизнь в доме шла своим чередом, я уже перестал бегать в станичное правление писать приказы, брал книги в библиотеке при школе, учителя остались недовольны на отца за то, что он не отдал меня учиться дальше, я уже стал походить на женишка, мне пошел 18-й год. Перед осенью сидим вечером дома за песнями вся семья хорошо пели все песни. После нескольких песен на отдыхе отец спрашивает мать: «Ты мать готовишь ли {солки больши?} потому что этой зимой надо женить Афанасия. Расходы будут большие. На похмелье требуется кислая закуска огурчики арбузики и капусточка. А ты Афанасий приметил себе невесту, а то в мясоде будем играть свадьбу, как года выйдут, так и погуляем. Мне стало стыдно, и я вышел из комнаты. Мать стала упрекать отца, зачем он говорил при всех, можно сказать ему наедине. Отец дал мне мысль об этом подумать, и всматриваться в девчонок, какая бы мне подошла. Но у меня была любимая девочка Анна, жившая по соседству с нами, иногородняя, не казачка. Отец – солдат фельдфебель, а мать казачка, Отец занимался сапожничеством, а мать шила домашние платья и мужские рубашки. Они очень часто сидели вечерами в зимнее время у нас, сообща пели песни. Родители нередко говорили при нас – вот жених и невеста, и я решил за ней ухаживать по другому, на улице защищая ее от других мальчишек. И также создалось такое мнение у моих сверстников, все нас называли жених и невеста. И когда подошло время нас определять к будущей семейной жизни, то

Афанасий Петрович

НИКИТИН

хутор, остановились у родственников, от них послали девочку сообщить, что мы сейчас придем. Пришел посол и сказал, что можем идти. Мы выстроились: отец, дядя и я, {а} они наблюдали за нашим движением. Вошли во двор, отец невесты вышел, пригласил нас в дом. Дом был очень хороший, а самое главное – очень просторный, кажется, одиннадцать комнат. В доме встретила нас мать невесты, других никого не было. Отец сказал цель нашего приезда, нас повели в зал, перед нами оказались две молоденькие особы, мы растерялись и не знали, кого смотреть. Отец спрашивает – вы извините нас, мы хотим знать, кого уж нам их них смотреть. Нам показали, мы познакомились и стали более оживленные. Посидели, поговорили и приглашены были к чаю. Во время чая приехал атаман на тройке лошадей с бубенчиками, с колокольчиками. За чаем с невестой стало недоразумение. Неся чашку с чаем она запнулась ногой за ковер, споткнулась и упустила чашку, она опрокинулась на подносе, но не разбилась, а чай, конечно, вылился на пол. Она сконфузилась и выбежала и гостиной, но долго не была там, отец позвал ее, и она явилась как ни в чем не бывало. Все это затихло, и никто об этом не напоминал.

Семья Андреевых была большая, вернее родословие у Оли было 4 брата и три сестры. Первый брат был околоточный надзиратель, в Варшаве заболел чахоткой и по поручению докторов уехал на Дон, взялся за хлебопашество. Накупил земли, засеял хлеба, накупил быков, машин. Хлеб стал поспевать, и он все оставил, перешел на жизнь – в другой мир. Все осталось тестю, он из без того был богат, сын был холостой. Второй сын жил на том же хуторе, придя из полка, отделился от отца, открыл магазин на хуторе и торговал. Третий брат это атаман станицы. Четвертый учился в Новочеркасске в сельскохозяйственном училище, стал агрономом. Сестры выданы были замуж, Ольга была самая меньшая из сестер. После чаю атаман меня вызвал в другую комнату и стал меня расспрашивать о хозяйстве, не должны ли кому, как живут отец мать не ругаются и не дерутся. Все ему рассказал, и мы были свободны к отъезду. Родители договорились, если все в порядке, понравилась один другому наши дети, то в следующее воскресенье встретятся в станице, договорятся, когда и что. О кладке, время о пире и свадьбе. А родители Оли должны посмотреть, куда же они отдадут свою дочь. Собрались в станице у тети Олиной, она старая дева. 16 лет она была в монастыре, по болезни ушла и осталась девой. Имела большой дом, набирала учеников из других станиц, где не было двухклассных и содержала их. Были две прислуги, которые смотрели за детьми. Она очень любила Олю и сказала – я должна посмотреть жениха, если одобрю, тогда только Ольгу соглашусь отдать. Мне опять пришлось экзамен держать. Но одобрила, и мы начали готовиться к свадьбе. Время проходило очень медленно. Мне хотелось, чтобы это дело двигалось поскорей, стыдно мне было показываться на улице к своей станичной молодежи, особенно среди девочек, они мне говорили с насмешкой – ну, посмотрим, какую кралю себе привезет Афоня. Была назначена свадьба в мясоеде 24 января 1908 года, а год мне пошел восемнадцатый. Свадьба была шумная веселая и к тому же продолжительная. Свадьба была в понедельник, а кончили гуляния. Гостей было около семидесяти человек. Водки

Афанасий Петрович

НИКИТИН

израсходовали два ведра, вина привезли из станицы Федосеевской от винодела Буданова бочонок. После венчания и обеда по обряду дедов и отцов молодых укладывали в отдельную комнату даже и в дом, но мы лишились этого удовольствия по настоянию атаманши, она считалась более образованной, окончила гимназию, и уже были другие взгляды на старые обычаи. Началось подношение каравая, процедура следующая. Молодожены становятся рядом, держат в руках поднос, где установлены стаканы, наливаются водкой и вином, родители садятся рядом сбоку стола, новобрачные подносят им напитки, они берут, кто что хочет, и первый отец начинает напутственное слово, как нужно жить, не срамить себя, родителей и все наше родословие. Младоженцу дает такой наказ – а ты, Афоня, люби свою Олю как душу, а тряси как грушу, и вот тут то делается предложение горько или сладко. Младоженцы после каждого слова горько или сладко должны целоваться. Родители делают подарки, и все остальные, присутствующие на свадьбе делают тоже самое. Если родители женят сына, то их право садиться первыми, а если родители за дочь берут зятя, то право их садится первыми. Процедура эта очень утомительная. Дарят, кто что может – по своему личному желанию. Отец подарил мне тройку {неразборчиво} кустом, а мать подарила Оле на шелковое платье материал. В общем нам подарили около 50 рублей деньгами. Лошадь, корову, 3 овцы, 3 гуся, 5 уток, а сколько разного барахла – на столе едва поместилось. Каждый участник на свадьбе – он тоже желает угостить всех гостей. Кто близко живет, всех гостей ведет к себе, а кто далеко у родителей младоженцев – бывает после угощения родственников жениха едут все к родителям невесты, они там очередуются, свадьбы возвращаются. Кто поет – все хрипят, можно по голосу узнать, что были на свадьбе. По окончании гулянья начинаются проводы гостей. Младоженцев снабжают водкой графина, и догадливый младоженец берет для запаса стаканы в карман, все выходят на двор или на улицу, наливаются напиток в стаканы, предлагается выпить стрелянную, желающие выпить берут стакан, выпивают и бросают его в сторону, если снег на дворе, стараются поглубже в снег. Молодоженцы должны найти, это тоже незавидное положение новобранцев, и когда всех выпроводили, начинается чистка и отдых после такого шума и гвала. И начинается семейная жизнь. Но скоро она начинает казаться не долгой, года идут быстро, подходит время – надо собираться служить, у нас не было льготных, как у солдат, у нас все служили, только станичный сбор по ходатайству особого порядка мог оставить по семейному положению или сполна признать не годным к военной службе, а к труду годен Он платит известную плату в станичное правление на поддержку малоимущим казакам на обмундирование. На двадцатом году, подлежащих к присяге собирают в станичное правление с конем, шашкой и пикой, в отцовской или братиной шинели или поддевке. Начинается занятие до обеда на лошади, а после обеда пеш{ие} или обратно. Собирают на одну неделю, на неделю отпускаются по домам, это повторяется за зиму несколько раз. Обмундирование не требовалось хорошего виду, чтобы ты был похож на военного. В конном строю обучались разные вольты, аллюры, джигитовка, по желанию рубка лозы, уколы чучела, на препятствие – тоже по желанию, смотря на то, отвечает ли тебе лошадь. Пеший

Афанасий Петрович

НИКИТИН

строй, занятия пеший по конному. Шагистика, бывает гимнастика, не проходит никакое занятие без песни. А вечерние занятия – молитва, чинопочитания, а самое главное – песни и пляски. Плясать должен каждый как умеешь. Посетителей было больше чем казаков. На первой неделе отговели и распускают по домам, для того, чтобы ты готовился в майский лагерь на месяц. Уже и конь более подходящий и обмундирование собираются более по два человека, покрывают арбу брезентом, туда набивают сена на дорогу, кладут продуктов для добавления к порции как для себя, так и для коня. Особенно для себя у нас было свиное сало, а для коня овес. Собравшись все в станице, отслужив молебен, и выезжали в лагерь. От наших станиц до окружной станицы было 120 верст. За три дня до 1 мая ты выезжаешь. В лагерях все становятся по станично. Из казаков составляют взвода, сотни. В лагере уже хорошо познакомишься с военной службой но {неразборчиво} когда пройдет месяц. 31 мая лагерь распускается, и оттуда то же самое расстояние проскакиваешь за полтора суток. В лагере находилось от 14 000 до 15 000 человек. Это был сплошной муравейник, особенно было видно, когда конное занятие. Пробыв в лагере май месяц, все это отпускается по домам, и придя домой, ты уже не помощник своей семьи, а скорее истратчик домашнего нажитого добра. Вот тут-то начинается генеральное приготовление на действительную военную службу. Во-первых, если своего нет коня и{ли} не принят окружной комиссией, ты должен найти такового и представить его на комиссию, если примут, то ты его уже из рук не выпускаешь. День и ночь с ним. Когда я выходил на службу, коней покупали от (150) – 200 рублей, лейб-атаманец – 250-300 рублей. Армеец получал пособия на коня (100) рублей, а гвардия – (300) рублей. Армеец сам справлял седло, а гвардеец имел казенное. Армейское седло стоило (40) рублей, заказывалось в ремесленной школе. Купить шашку, если нет отцовской или братиной за 4 рубля 50 копеек. Две пары новых сапог, вытяжки, две пары суконных брюк с лампасами, две суконные рубашки и две защитного цвета летнего белья, патронташ, плетель и за{неразборчиво}. В общем провод казака армейца на службу стоил отцу 300 с лишним рублей. Все лето ты занят то смотрами, то проверкой вещей. До выхода на службу я еще написал одно стихотворение за своего сверстника, который вместе со мной выходил на службу.

*Именины сыну справил, жену в комнате оставил
А сам по улице в проходку, он искал как видно водку
С ним повстретился Платон – тоже водкой упоен
Платон, хитрая скотина, с ним предлинный был мужчина
Думал будет защищать и Тимошку уличать
Ты мошенник, ты подлец, твой в работниках отец
Ты зачем отца тиранить, а что увидишь, то и скрадешь
У Тимошки сердце бьется, душа с телом растается
Хочет быстро вступить в драку, да боится чертеняку
Что с Платоном вместе был – как бы сразу не убил*

Афанасий Петрович

НИКИТИН

*Тут Тимошка назад глядь – бежит Ванька помогать
И Тимошка ногой топ и Платону на горб хоп
И давай его клевать и слова припоминать
Вот-те мошенник, вот-те вор, угадай теперь свой двор
Тут бежит Семен с лопатой – брось ты бить, черт косолапый
Едва Семен то сказал, как Ванька его снизал
Через минуту у Платона с башки шкура сворочена
Лишь глаза ни так, ни сяк, только смотрят наперекосяк*

Начинается полная забота снаряжения в полк, все это отрывало от работы. Подходит декабрь месяц, собираются все, отходящие в станицу служить молебен, собирается вся родня отходящего служивца и близкие соседи и знакомые. Служивого сажают в передний угол при всем снаряжении, родители благословляют служивого, отец говорит напутственное слово, служивый выслушивает это внимательно, все присутствующие льют слезы, особенно мать и жена. Отец говорит – ну, сынок, служи примером Царю Батюшке и Тихому Дону, слушай начальство, помогай в нужде нуждающемуся, а самое главное – не бери никогда чужого, чужое впрок не пойдет. Начинают петь казачьи песни, всегда первая песнь пелась такая. Попал казак на чужбину далеко на добром коне на своем вороном он край - свою Родину навеки покинул, ему не вернуться в отеческий дом и т. д. Много много и других песен, которые в этот день поются из жизни казачьей. У нас в станице пелась почти первая песня.

*Прощай Кумылженская станица, прощайте вы милые мои места,
прощайте отец и мать родные, благословите сына своего,
прощайте красные девчонки и все любезные мои друзья,
теперь от вас я уезжаю на тот погибельный Кавказ,
Дают мне коника вороного, дают черкесское седло,
Я сяду на коня гнедого, слезою грудь я оболью
Бог знает, когда я возвернусь опять на Родину свою*

И вторая, более трогательная и подходит к этому моменту.

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет: - кого-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка возле слезы льет.
А из дверей святого храма. Казак в доспехах боевых
Идет к коню, из церкви прямо,
С отцом, в кругу своих родных.
Жена коня подводит мужу,

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Племянник пику подает.
«Вот, - говорит отец, - послушай
Моих речей ты наперед.
Мы послужили Государю,
Теперь тебе черед служить.
Ну, поцелуй же женку Варю,
И Бог тебя благословит!
И да пошлет тебе Он силы
Долг службы свято соблюдать,
Служить, как мы Царю служили,
И славу рода поддержать.
Иди туда, куда укажут
Господь, начальство и черед,
Когда же в бой лететь прикажут,
Благословясь ступай вперед!..
Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранися, не ругай;
Будь христианин и пред боем
Крестом себя ты осеняй...
Коня даю тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.
А добрый конь - все наше счастье,
И честь, и слава казака,
Он нужен в счастье и и напасти,
И за врагом, и на врага!
Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоче,
А лошадь в холе содержи!
Тот колет пикою ловчее,
И в деле тот и молодец,
Кому коня добыл добрее
Дед, прадед, дядя иль отец...
А вот и пика родовая,
Подруга славы и побед,
И наша шашка боевая -
С ней бился я и бился дед!

НИКИТИН

День отъезда служивого из дома, все находящиеся в доме люди присаживаются, где кто как может. Минута молчания. Все встают, и отец и мать благословляют сына на службу. Все начинают прощаться со служивым, во-первых, служивый кланяется отцу и матери в ноги, просит прощения, подходят все остальные. Конечно, все со слезами, к тому же каждый пихает свой скромный подарок в карман шинели. Служивый выходит во двор, ему отец подводит коня и говорит напутственное слово. Коня сынок береги, сам кушай похуже, а коня всегда в холе содержи. Сын берет коня и ведет его к передним воротам, ему дают охотничье ружье, заряженное одним порохом. Заводит он его среди ворот и стреляет ему по ноги, угадки в это время угадывают, вернется ли служивый домой или нет. Если дым из под коня пошел на дворе, то служивый вернется, а если на улицу, то не вернется. Около дома собрались соседи старики, каждый запасся полубутылкой или бутылкой водки или вина. стакан в кармане и закуска, преимущественно сало. Молодежь наострилась на лошадях оседланных, гарцуют около дома. Служивый выходит из двора, к нему присоединяются старики и молодые, которые поют песни и направляются вдоль улицы, которая ведет к церкви. Если церковь открыта, служивый заходит туда, а если закрыта – сделал поклон, простился и выходит ко всем движимым при проводах людям. Служивый идет вперед, рядом жена и мать, на коне кто-нибудь едет впереди – брат или племянник. Выходят за станицу или хутор, делают круг, на середине расстилают скатерть или попону, здесь начинается прощание и пожелание. Каждый хочет выпить стремянную со служивым, и каждый старается что-либо сунуть ему в карман, пятак или рубль. Молодежь гарцует на конях. Приближается последний час разлуки. Служивый, если он себя сдержал, садится тоже на коня и вместе с молодежью отскакивает на версту или две, и оттуда чья возьмет. И начинается полная **раздела**. Служивый, если он может, садится на коня, раза два возвращается к кругу, а если перебрал, привязывают его на возок с сеном, на котором едет отец, и остальная публика расходится по домам.

Приезжая в округ станицы всякий знал свой район. Две три станицы шли казаки в добавки в один полк, из полка высылаются специально офицер. Который принимает их в округе, и с ними возвращается в свой полк. Отец или старший брат должен быть при проводе из округа, потому что приемочная комиссия нашла что-либо негодное или чего-либо не достает. Отец живет в округе целую неделю. Приезжает домой, дома слезы матери еще не высохли, а жены разные – какая как себя ведет. Были случаи и промахивались, но очень редко. Не выдержать своих обещаний в продолжении трех с половиной лет в отсутствии мужа. Очнувшись по пути в округ начинаешь проверять кассу в кармане. Мне надарили около сотни рублей и несколько носовых платочков с разными вышитыми инициалами. По принятии офицером всех казаков, которые направляются с ним в один полк, он старается узнать имя и фамилию, а самое главное – какой станицы. Он уже знает, кто поет хорошо, кто танцует лихо. По приезду к полку разбивают по сотням. Службу я начал в 14-м Донском Казачьем полку Атамана Ефремова, полку, стоящим тогда в городе Бендине. Командир полка был полковник И. Быкадоров, последнее время – историк Дона.

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Служба мне не была в тягость я знал это ни я первый, ни я последний, все служили, дед и отец, так и мне надо послужить. Выбор был, я попал в учебную команду. Пошли на маневры. Во время маневров захватила нас война, и нам пришлось почти первым встретиться с австрийцами. В декабре месяце я был ранен в руку и отправлен на лечение в округ. Конь мой остался в полку, через малое время конь мой был убит. Я остался при выздоравливающих при 14-й запасной сотне, пробыв до половины 1915 года. Было распоряжение сформировать (53) й гвардейский полк для отправки в Париж. Как люди так и кони соответствовали своему назначению. Я сообщил об этом домой отцу, потому мне требовался конь соответствующий своего назначения. Отец сразу согласился купить, если меня комиссия не забракует, но Д-р Субботин говорит, где мы возьмем из выздоравливающих совсем здоровым годных. У меня была перебита правая рука, а потом срослась, и отец купил мне коня за (300) рублей. Нас из станицы было только 3 человека разных лет. Сформировали из нас полусотню, поставили по квартирам – и жили мы – дурака валяли, только смотрели себя и коня. Пробыли мы в таком положении месяца три, и нас распустили по домам до второго вызова, потому что в других округах не нашлось {необходимого} числа желающих купить дорогого коня. Пришел я домой, вот здесь было царство женщин, т. е. жалмерок. Они получали за мужьев пособие на работников. Казаки почти все служат, - дай пожить, - каждая шутит. Немного успокоились, когда на Дон разрешили брать пленных австрийцев. И вот тут-то зажили и австрийцы, и бабы. Пленные были более из Чехословакии, жили, как у Христа за пазухой. В конце 15-го года нас собрали по округам из запасных, сформировали 6-й запасной полк, и мы влились в него. Стояли уже не по квартирам, а в лагере, лагерь был закончен. Кой когда занимались более пеший по конному. Отсюда посылались пополнения в полки нашего округа. Я тоже было попал в 3-й очередной полк 48-й {дивизии}, но благодаря дяде, который служил при окружном атамане писарем, я остался. Скоро был набор пополнения в 114-15 батареи, которые пришли с фронта на Дон и остановились в станице Котовской, 8-ми верст от окружной, и вот я попал туда. Команда была 78 человек, и я имел счастье ее вести. Я уже был старший урядник, георгиевский кавалер. В батарее жизнь была тоже сказать свободная. Стояли по квартирам. Я стоял у старика и старухи, не очень старых. Сын у них {был} на фронте, а невестка не жила с ними – ушла к своим родителям, которые жили по соседству. Часто забегала к нам, было весело, когда она была у нас.

В батарее я охотно взялся изучать артиллерийскую стрельбу, и последнее время был неплохим наводчиком. По оценке офицеров, жизнь в батарее была веселая, один раз выходили или выезжали на учение с батареей. Или словесное – больше песни и танцы. Один раз в батарею приезжал офицер из Новочеркасска, делал доклад о фронте и что делается в Новочеркасске. Приезжал к нам атаман Каледин, встречали праздник Св. Николая, был парад без орудий, было угощение, раздача наград, заслужившим еще на позиции. Меня немного тронуло за сердце, почему ни отец или жена не могли приехать, привести рыбки к Николаю. Я написал письмо с укором домой, там всполошились, и отец решил оправдаться, через две недели приезжает ко мне, мы как раз были на

Афанасий Петрович

НИКИТИН

батареином собрании. Был доклад нашего уполномоченного на войсковом круге офицера. Вызывают меня из собрания, я выхожу – вижу отца, он привез рыбы целый чувал замороженной и два сазана изжаренных на сметане, четверть самогона, одну бутылку царской водки. Посоветовались с отцом, что надо сделать на квартире и решили угостить мое начальство в числе батареиного доктора и близких друзей. За день я все это сделал, а отец через хозяина нашел еще одну бутылку царской {водки} за 25 рублей. Хозяйка наготовила еще рыбы, холодцу, и все собрались у нас на квартире. Началось казачье гуляние, все были довольны, а отец не дремал, переговорил с доктором, чтобы меня забраковать насчет службы, как будто рука начала беспокоить. И я с ним поговорил, он говорит, когда будет назначена комиссия – запишись на нее, только молчи, чтобы меньше знали. Записался я на комиссию и жду, когда она будет действовать. Через два дня была назначена продажа батареиных бракованных и излишних лошадей, и мы пошли на торги и купили там 4 маштака, очень хороших и недорого. Отец забрал их и поехал домой. Через две недели была медицинская комиссия, и я пошел на нее. Меня встретили там с удивлением – такой весельчак и вдруг на комиссию. И меня признали на два месяца свободным от строя для поправления руки. Батареиное постановление: тот, кто освобождается от занятий на месяц – не пользуется ни жалованием, ни собственного коня не имеет права брать из батареи, а кто освобождается на 2 месяца – пользуется жалованием, обмундированием и имеет право взять коня. Рассчитался я со всей батареей, сел на своего гнедого и помчался домой. 108 верст я покрыл за одни сутки. Зажил дома, и другие казаки из полков, особенно раненые были спущены по домам. Да и полки стали приходить на Дон с фронта. Фронт как таковой уже не существовал, все солдаты были распропагандированы и бросали фронт с лозунгом «долой войну, мир без аннексий и контрибуций». Казаки последние покинули фронт. Были случаи, что казаков посылали в дивизию одну сотню, и их солдаты боялись, не делали самочинство над своими офицерами. Поэтому впоследствии казаков с фронта не пускали по железной дороге, хотели всех разоружить. Поэтому казакам пришлось идти на Дон походным порядком. Жить дома в станице стало беспокойно, то тут, то там солдатские бунты. По соседству с нами первый бунт был в слободе Михайловка у станции Серебряково стояло там два запасных полка, сбунтовали, арестовали всю слободскую администрацию, отпустили арестантов, открыли тюрьмы, разбили большой винный завод, разграбили казенные винные лавки. Вино шло по улице как после сильного дождя, некоторые солдаты там и остались лежать вечно, пившими вино или водку из ручья. Магазины были все разбиты, товары выбрасывали на улицу, кто хочет брать – бери, а торговля там была очень большая. Там была ссыпка для хлеба самая большая в Донской области. Это стало беспокоить казаков, живших дома без части. В соседнюю станицу пришел отряд прохвостов красновардейцев из бывших солдат, и к ним присоединились подростки и станицы – иногородние. Так называли у нас живших не казаков. Но он скоро был ликвидирован собравшимися казаками фронтовиками. Часть потопили в Хопре, часть порубили. У нас в окружной станице Урюпинской сделал восстание вечный студент

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Селиванов, но его сразу схватили – местная команда и ученики гимназисты реалисты. Мы из станицы собрали 18 человек и поехали на помощь, но не успели. Нас собрался целый отряд под командою сотника Дудакова. Нас позвал к себе генерал Потоцкий, начальник гарнизона, и приказал взять из банка войсковую казну и доставить в Новочеркасск. Все это было сделано. Мы взяли 2,5 миллиона рублей и отправили войсковую казну в Новочеркасск. И здесь уже начиналась братоубийственная война. Стали воссоставлять станицы одна за другой. Мы уже были сформированы в станице и вели бой с красноармейцами на своих хуторах. Пришедшие на хутора станции Кумылга. Нами командовал атаман станицы Андреев Максим Ефимович. Скоро пришел к нам есаул Широков и стал командовать нами. А в это время через станицу прошел полк Боково-Каргинский, сформированный в 1-м Донском округе, и кой кому скинул штаны и заглянул куда надо. Мы своей группой подвигались к железной дороге. Вдруг перед нами показалось пожарище – горела станция Кумылга, и мы здесь встретили отряд Романа Лазарева. Пройдя по казачьему населению красногвардейцы показали себя во всех отношениях. Защитники порядка убивали находящихся дома офицеров, священников, зажиточных казаков, изнасиловали женщин, губили невинных девочек. И это заставило нас, казаков, организовать и выгнать из своих мест, думая, что этим кончится, но не тут-то было. Ленин-Троцкий мобилизовали всех отбросов русского народа, и двинули их на Дон, давая им право уничтожать всех, кто сопротивляется, и началась гражданская война, и до сих пор еще не окончена. Война была свирепая – уничтожали русский русского без всякой жалости, и продолжалось три года на Донской земле. А что за это время делали с мирным населением, уничтожались все влиятельные казаки в станицах или хуторах. При захвате нашей станицы в декабре месяце 1919 {правильно – 1918}, года всех по колокольному звону собрали в станице, окружили всех, на плацу по улицам поставили пулеметы, а кругом красноармейцы, обвешанные пулеметными лентами крест наперекрест. Где был и мой отец, подошел к нему один комиссар и говорит – стой, надо поговорить, но после отец как-то украдкой укрылся и ушел домой. Зашел взять хлеба и куда-либо спрятаться. Взял хлеба и ушел в сады, три дня пробыл в садах. Замерз, соскучился по моим детишкам, он их очень любил, пошел домой ночью. А они знали, что его нет, поставили караул во дворе, и отец сам пришел к ним. Его арестовали, а утром отправили в совет, не дали повидать детей и поговорить с матерью. На второй день его отправили в станицу Усть-Медведицкую и посадили в острог. Наши части отошли к Донцу и остановились над Донцом, отдыхали и формировались. Оставшиеся казаки под советской властью скоро узнали советский строй и цель, которую они преследуют. Весной стали малые восстания, а потом разрослись повсеместные восстания. У нас в станице остался подхорунжий Семен Григорьевич Савельев, полный {георгиевский} кавалер. И вот он собрал казаков, назначил им сборный пункт около Хопра, для переправы через Хопер. На той стороне были восставшие казаки, и стали вплавь перебираться на ту сторону из спасшихся казаков. Человек десять побоялись, в их числе был и брат мой меньший 17-ти лет, гимназист. Он был на коне, но без седла, он тоже остался, и эти оставшиеся по домам

Афанасий Петрович

НИКИТИН

ехать побоялись, а поехали все в поле. В станице стояла красновардейская часть. Узнав об этом случае, они еще больше стали третировать население. В это время собрали 78 стариков, закрыли их в один большой дом, облили керосином и зажгли, а сами стали с оружием кругом дома и не выпускали никого, и все они погорели. Когда отступившая армия не имела связь с восставшими, решили делать наступление и 10 мая мы из-за Донца пошли в наступление, победа была на нашей стороне. Комиссары не знали, что делать. Оставшиеся после переправы через Хопер казаки уехали в поле и скитались по полю. Ночью приезжали на какой-нибудь хутор добывать пищи, но стоявшая часть нарядила разъезды за их поиски, их скоро всех переловили и отправили тоже по тюрьмам. С ними был пойман офицер есаул Широков, который скрывался у сестры на одном хуторе, который месяц назад пробрался из Москвы с 18-ю казаками к себе на Дон, его заставили вести всю группу в другую станицу, и все время под командой. Пришли в станицу ГПУ, комиссар вскочил со своего кресла и рукояткой пробил офицеру голову, кровь вдарила фонтаном прямо в потолок. Его стали допрашивать, он ничего не отвечал. Ему отрезали сперва уши, потом по два пальца на руке, а потом отрезали язык, а остальных посажали по тюрьмам. Брата отогнали в станицу Усть-Медведицкую в одну тюрьму с отцом. Через сторожа они там переговаривались. Мама поехала их навестить, ее к сыну пустили, к отцу – нет. И вот когда армия тронулась в наступление, комиссары стали уничтожать, кто им не мил. Они расстреляли моего отца, с ним расстреляли 43 человека, в {том} числе одну женщину, у которой остались 6 детей одни. Брата моего вывели смотреть, как отца расстреливали. Этим занимались иногородние и даже были из нашей станицы, которых брат знал, живя в станице. Брат сошел с ума при виде этой трагедии. Его не отправили никуда, а оставили в тюрьме – все одно он дойдет. Когда они ушли из Усть-Медведицкой, то старичок, который знал отца и брата, сообщил нам в станицу, чтобы приехали и взяли его. Дома мать, жена с детьми и сестра вдова, у которой муж погиб в молодой армии. Жене запрягли пару лошадей в дрожки на рессорах и отправили ее за моим братом. До Усть-Медведицы было от нас 45 верст. Приехала, ей там отпрягли, потому что она только встала от тифа, переночевала, ей запрягли, положили брата на дрожки, и она его привезла. Он действительно был похож на ненормального, он лупал глазами, ничего не соображая и не говорил. Худющий был – кожа, которая покрывала только кости, чтоб не рассыпались. Армия наша тогда имела большие успехи, мы скоро взяли город Тамбов. Я оттудова поехал в отпуск на две недели. Я был назначен в комиссию получения от города для бригады пошивочного материала разного и спирту. Я получил все, и командир полка мне также подписал отпуск. Спирту я достал банку четверти 4 л., и думал ее провезти домой, кой чего на ней заработать. Доезжая до станции Поворино я пошел на станцию узнать, скоро ли нас прицепят к нашему {поезду} на Царицын. Я помещался в вагоне один. Вагоны грузовые, в некоторых вагонах были казаки и раненые лошади. Когда я вернулся со станции, моего спирта со всей банкой не оказалось. Кто-то подкараулил, и я остался с одной английской фляжкой, которая была полна. Это после полочки полковник, который раздавал спирт как будто бы за труды,

НИКИТИН

налил по фляжке. Скоро нас прицепили к составу, который шел на Царицын. И я доехал до станции Кумылга, слез с поезда, пересел на обывательскую подводу, поехал домой. Приезжая в станицу я зашел к бабушке, которая жила по ту сторону речки, которая протекала через станицу. Она меня встретила со слезами, рассказала все о моей семье, и мы пошли с ней пешком к нам. По дороге меня встречали, не давали хода, все спрашивали, рассказывали мне о всем случившемся. Окружили меня старики, настаивали, чтобы я зашел в правление и расправился с теми, которые расстреляли отца. Я отказался от этого, говоря, что не надо этого, не известно, чем война кончится. Подхожу к дому я вижу такое положение, жена с маленьким Сашей стоит у передних ворот, едва держится на ногах после тифа. Вошел в дом, там еще трагичнее – мама лежит больная тоже тифом, а брат, которого привезли из Усть-Медведицкой лежит на кровати. Когда я вошел, он хотел повернуться, и на глазах его слезы. Я подошел к нему и едва угадал в нем брата, говорить он не мог, только смотрел на меня как будто бы хочет улыбнуться. Стали расспросы и рассказы. На второй день мы с сестрой вывезли косилку, собрали ее и стали готовиться к покосу. Хлеб уже поспевал, и через два дня мы выехали на покос. Сестра еще не болела тифом, была физически здорова, больше она сидела на косилке, а я погонял лошадей. Прошло скоро две недели, я стал собираться, сестра заболела. Мама стала поправляться, жена уже чувствовала себя неплохо, и я собрался уезжать. Брат стал вставать сам, что-то стал шевелить губами, но понять ничего нельзя. Я распростился и поехал в полк. Доехал я до железной дороге, на станции меня схватил повторный тиф, и меня отправили в походный лазарет. Я ничего не помнил. Просыпаюсь я и вижу людей, которые берут также людей с койки и выносят на двор, бросают их в арбы. Люди все черные. И вдруг подходит ко мне человек и говорит мне – зачем ты сюда попал? Я узнал в нем своего фельдшера, с которым мы дружили в батарее. Я ему говорю – я не знаю, как я сюда попал, он берет меня и выносит в другую палатку. Оказывается, я очутился в холерном бараке. Лечение было неважное, объясняют, что не было лекарств. Было разрешено тем, которые чувствуют себя неплохо уезжать к себе домой на домашнее лечение. Я попросил фельдшера, он послал телеграмму моему тестю, вызывая его, чтобы меня взять. Тесть сразу послушал, запряг лошадей и приехал, расстояние было (50) верст. Но скоро тестю не удалось меня взять оттуда, пошли спросы и расспросы, и ему удалось только на пятые сутки меня выручить. Едем с тестем по степи, среди пути есть родник, у него останавливаемся подкормить лошадей и самим закусить. Только мы выехали на дорогу, видим навстречу нам идет подвода. Тесть и говорит мне – знаешь, наверное Оля едет отыскивать нас. Лошади ваши – два машака, рыжий и {лисий?}, ближе и ближе. Действительно, они ждали, ждали и решили, что либо случилось, и поехала она нас разыскивать. Вернулись домой, я стал поправляться, но плохо, и фронт наш дрогнул, начали отступать. Мне пришлось запрячь еще лошадь в легкие дрожки на рессорах и выехать из дома, захватить с собой тулуп {неразборчиво} и брезент. Это было 19 августа по старому стилю 1919 года. И поехал я отыскивать свой полк. Нашел я его за Доном на хуторе Веселом. Когда я был дома, был безумный приказ по станицам, кто

Афанасий Петрович

НИКИТИН

давал приказ, я не знаю, чтобы все жители округа уезжали, уводили свое добро и угоняли скотину дабы спасти от большевиков. Уезжая из дома я сказал – никуда не ездить и не угонять скотину, но мое приказание не исполнилось. Запрягли две пары быков лучших, положили сена в арбы, поставили несколько сундуков, насыпали в чучалы муки, наклали мяса, забрали скотину, исключая одну коровенку, оставив для жены и детей – для молока, а остальное погнали спасать. Скотина эта вся растерялась, две коровы пришли домой через неделю и от быков осталась одна пара. От того, что повезли спасать, ничего обратно не получили. Брат выехал с отступающей станичной администрацией. Угоняли войсковых жеребцов, дядя мой был зрителем, он же крестный отец моему меньшему брату, который оставался дома. Я его попросил, если будет отступать, чтобы он взял своего крестника, он так и сделал. Встретил я их за Доном в беженском лагере, где стояли по станицам. Брата я не узнал. Он вполне поправился все надел мое служивое, посмотреть – фронт. И начал дурака валять, крестный его рассказал его проделки. Я стал ему говорить, но он особенно не слушал, и я их оставил, а они подались на Кубань. Там их всех настигли Красные, все у них позабирали, а молодежь забрали служить на Польский фронт. И он попал туда, скоро выдвинулся, стал командиром эскадрона. Распустили по домам, он пришел домой, начал мою семью третировать, потом они разделились, он забрал все, продал и уехал на Кавказ. А потом до него {до читали?}, был схвачен и осужден на 18 лет. {неразборчиво}. Я в это время из Болгарии связался с семьей и {неразборчиво}, куда он делся, я больше о нем ничего не знал.

Присоединившись к полку, мы отступали к Черному морю. Подошли к реке Кубани, мы переправлялись через железный мост. Каждый вел своего коня по двум доскам, некоторые боязливые лошади оступались, падали в реку Кубань и тонули. Перейдя через Кубань мы направились в аулы. Местность была черноземная, конница разбила дорогу и шли, по колено застряв в грязи. Дошли до одного аула, переночевали. Утром пошли на сборный пункт все перешедшие части, более донская кавалерия для встречи главнокомандующего Донской армии генерала Сидорина. Что он говорил, не отходя от своего аэроплана, трудно было услышать. В это время красные переправились выше Екатеринодара, рассыпались в лаву и направились на наше скопище. Никто из командиров полков не решился им сделать отпор. Их было немного – человек двести, и вся это орава, целая дивизия бросилась уходить. Некоторые, не зная пути отступления попали в болотистые топкие речушки, и там остались со всем конем. Трофеи были у красных обильные, как людьми, так и лошадьми. Собравшись опять по своим полкам стали двигаться к Новороссийску. Почти без боя, кое где показывались зеленые. Пришли в Новороссийск, за нас казаков не было пароходов, все пароходы были заняты добровольцами. У каждого парохода поставлен был вооруженный отряд. Никого не допускали к пароходу, только своих. Здесь был обмундирования полон склад, все английское, но его не раздавали. Некоторые части наши хотели получить – не разрешили, а потом все пожгли, а большинство досталось красным. Худоконницу оставляли для какого случая, а потом и о нас, присоединили на Кавказе. Мы пошли по

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Кавказу сквозь над железной дорогой через города Сочи, Туапсе, Адлер. Тут мы остановились отдохнуть и встретить Рождество. В Сочи для частей выдавали муку, я попал с офицером для полочки этой муки. Взяли четыре подводы и поехали, получили пять чувалов этой муки, на сотню по каждому чувалу. Ложками разделили эту муку, и праздновали Рождество. Мы остановились в одном дачном, богатом когда-то доме с хорошим садом, о чем можно судить по сушеным фруктам, которые остались там. Мы пользовались ими, насыпаем в карман и ходим, грызем как семечки. Там же был хороший большой кабан. Командир полка полковник Косов распорядился его зарезать к Рождеству и раздать всему полку. А муки кукурузной запаслись в ауле, мера продавалась (250) рублей. Наварили мяса от кабана, наварили кукурузы, рассыпали ее на столе, застыла, нарезали порции и раздали каждому. Так делала каждая сотня отдельно. После Рождества под командой генерала Калинина мы хотели пройти в Грузию, но нас не пустили, и мы вернулись обратно в район Адлера, ожидая пароходов из Крыма. Обещали они давно, в это время начались переговоры о перемирии с командующим Красной армии полковником Царской армии Егоровым и с нашей стороны генералом Морозовым {от} Кубанцев. Я тогда был вахмистром команды связи, и я всю ночь не спал, чтобы знать условия для перемирия. В два часа ночи я принял телефонограмму, разбудил адъютанта А.А. Андреева, а он доложил командиру полка полковнику Косову. Приказано трубачу трубить сбор, все сотни собрались выслушать {условия} перемирия, а оно заключалось {в следующем}: всем сдать оружие, все будут отпущены по домам, а впоследствии будут расследовать, кто какие преступления сделал перед Советской властью, молодежь будет взята в армию. После командир полка обратился к полку – решайте каждый за себя, что предпринять. Некоторые тут же начали запасаться хорошими лошадьми {неразборчиво}, а большинство легло спать – что будет, то будет. На заре открылась страшная пулеметная стрельба – какой-то полк расстреливал свои патроны, чтобы не доставались Красным. Взошло солнце, и на горизонте в море показались пароходы. Это английские пароходы пришли нас забрать. Скоро была установлена связь, и полки стали подходить на косу для погрузки. Коней все оставляли, только брали шашки и револьверы. Я трех хороших коней продал – командира полка, адъютанта и своего за две кукурузные лепешки. Подходили к месту, где погрузка, наблюдал {за} погрузкой командир корпуса генерал Калинин. Садились в лодки по 11 человек, никакого багажа, солдаты англичане все сбрасывали в море. Каждому давали по пачке папирос и подводили к пароходу. По веревочной лестнице подымали на пароход, и так продолжалось, пока на пароходе не набралось около 8 тысяч человек. Так проделывали и другие пароходы. Адмирал парохода пожелал видеть, кого же он погрузил на свой дредноут Георг 5-й {который} самый большой был в Английском флоте. И вот стали подбирать взвод казаков, у кого приличнее было обмундирование. Я тоже участвовал быть в этом взводе. Командовал нами генерал Шкуро. Вышел адмирал – преклонный старик, большая белая борода, поздоровался. Прошел на фронт, посмотрел каждому в глаза и спустился в каюту. Тут нам раздали кушать. Английские матросы стали покупать плети, у кого остались, как висели через

Афанасий Петрович

НИКИТИН

плечо. И этими плетьюми стали бить один другого. Жаль, что плетей мало было – они платить не жалели денег. И потом пароход наш тронулся. Ночью нас повстречали наши русские пароходы и перегружали к себе, а днем нас развозили по Крымскому побережью. Я попал в местечко Ак-мечеть. Зажили мы неплохо, пища была неплохая. Стояли мы по квартирам. Большое довольствование – рыба-камбала. Очень вкусная и купить если – был очень дешевая. Начали ходить на занятия пеший по конному. Сформировались полки, а потом и дивизии. Я попал в 9-й Донской атамана Назарова полк, в дивизии было четыре полка. Командир полка у нас был генерал Рубашкин. Скоро мы на подводах поехали в Сочи принимать знамя для полка. После молебна атаман генерал Богаевский вручил нам знамя, и после через неделю или две мы вышли всей дивизией на позицию. Первое крещение нам пришлось наступать на Васильевку. В первом бою Калединовский полк почти весь сел на лошадей, была на лошадях 3-я часть, так и у нас кой кто воспользовался этим моментом, и стали мы по Крыму летать, нашу дивизию называли летучей. Район был около Токмакова. Но пришлось ходить под Каховку более на выручку наших частей. Третьего июля мы здорово пострадали от китайских частей. Наша сотня пошла в атаку – 78 голов, вернулось 11 человек, помогали нашему атаманскому училищу. Китайцы посадились в траве, и ни с места не трогались, стреляли до последнего патрона, его или срубишь или проткнешь пикой. Он говорил, платите мне 5 рублей золотом, все так будут стрелять. Троцкий платил 5 рублей за сутки китайцам. Через малое время нам пришлось отступить всей армии, не зная куда мы попадем. Последний бой на сивашах мы дали всей дивизией, и после боя в ночь пошли переменным аллюром в город Керчь. Куда была направлена вся 2-я дивизия. На рассвете мы подошли к еврейской деревне. Казаки кинулись по домам, по погребам и через минуту выносили из погребов разные вина и жбаны с медом. В том селе были очень хорошие сады и виноградники. Добыли хлеба и стали кушать мед. Я зашел в дом, никого не было видно, вдруг из комнаты выходит мужчина в военной форме без кителя диагональные брюки галифе с красным кантом доктора – обращайтесь ко мне, что вам нужно, я могу вас снабдить всем. Я ему сказал, мне ничего не надо. Он на меня посмотрел и улыбнулся, вышел в другую комнату. Через две минуты он возвращается, держит в руке целую пачку турецких лир. Предлагает мне, я отказываюсь, он мне говорит – напрасно, они вам пригодятся, вы едите за границу и наверное вы попадете в Турцию. Я уперся, а после очень жалел, человек предлагал мне сам. Он мне сказал – я служил в вашей армии доктором, а сейчас остаюсь дома, это мой дом, моя семья здесь, чего будет со мной, я не знаю. Я стал уходить, он еще раз предложил мне денег, и я опять отказался, он мне говорит – будешь жалеть, но я уперся и не взял. И мы пошли прямо на Керчь. Придя в город к пристани, нам указали на пароход, на который мы должны грузиться. Я со взводом был назначен в патруль по городу, где купил два больших хлеба за (250) рублей. В 12 часов ночи мы сменились, приехали на пристань и стали расседлывать лошадей, прощаться с ними и пускать их, куда они захотят идти. Сняв с них свои вьюки некоторые казаки плакали со слезами, когда расставались с конями. Плакали при погрузке на пароход. Был прочитан приказ

Афанасий Петрович

НИКИТИН

генерала Врангеля, и были предупреждены, что пароход не имеет опреснительной воды, но может удастся машину поправить, и будет все в порядке. Старая прислуга сошла на берег и осталась там. Из офицеров и вообще нашли профессионалов по машинному делу. Погрузилось на пароход (почти) около 8-ти тысяч. Комендант парохода – генерал Калинин. Перед погрузкой на пароход мы все находились на пристани, я тоже лег на канатах, подложив под голову мешок с хлебом. Проснулся, мешка с хлебом не оказалось и кой что другого. Где будешь искать. Кто-то легко себя обеспечил. Пароход очень большой и плавал сверху воды как кубышка. Трюмы были порожними за исключением двух. Один был с сахаром, другой с углем. А пароход был очень большой {приземистый?} От этой человеческой живой силы он почти ничего не почувствовал, чтобы погрузиться более в воду. С первого часа, как отошли от пристани капитан парохода стал шуметь – переходит на правый борт, через малое время – переходит на левый борт. По переходу людей крен парохода делался вместе с людьми. Сперва переходили, а потом отказались. Машины работали немного, пароход вышел в открытое море, машины перестали работать, нас погнало по ветру. {На} спасательные гудки через время пришли два катера, с двух сторон подперли пароход, и стали двигаться по своему направлению черепашьим шагом. На пароходе был жуткий кошмар. Люди лежали вповалку. После морской воды набирали сахару в котелок $\frac{3}{4}$, а $\frac{1}{4}$ воды, опять горько. Лежали вповалку, включая и женщин, хотя их было мало, никакого стыду и сраму не было. На 11-е сутки нас подтянули к пристани в Константинополе. Сами мы сходить не могли, нас сводили на пристань, шел как раз дождь, многие вырывались, бросались прямо к луже и пили воду. Некоторые и не встали от этой лужи. Нас подводили к баракам, давали по чашке Американский красный крест, тут же сажали в вагоны и отправляли в Санжак Теке, вглубь Турции. По приезду в Санжак Теке нас повыгрузили около казарм дощатых бараков, в которых жили наши пленные 1-ой Европейской войны. Нам не доставало места в бараках, и наш полк поместился в овечьих стойлах, куда загоняют овец в дурную погоду. Был дождь, и нам сильная необходимость пришла лезть в это помещение, невзирая на то, что там ночевали в прошлую ночь овцы. Хотя были без всякого света почищены места где спать, но при выходе утром из помещений, на каждом казаке была печать, где он спал. Развели костер, начали с себя снимать одежду и бросать в этот костер, у кого была другая в запасе. От костра слышно было как лопались насекомые, которые были распространены на всех находящихся на пароходе, не исключая никого., хоть каждую минуту сменяй белье. Позже нас поместили в бараке, внутри койки, вернее площадки, только что мог бы поместиться человек. Вставать ночью было невозможно, особенно верхним.. Ухитрялись проделывать дырку в стене и туда сливать что нельзя было держать в себе.. На полу тоже находились люди, пройти было почти что невозможно, но это было только в плохую погоду, а стало теплей – стали выходить на двор спать. Относительно довольствия было очень плохо, дров едва хватало сварить пищу. Для частного употребления дров не было ни поленца. Недалеко от лагеря были свалены снаряды от пушек в ящиках и плетеных корзинах. Большие ярусы английские и

Афанасий Петрович

НИКИТИН

французские. Охраняли эти снаряды марокканские чернокожие, служившие во французской армии, имели приказание без спроса прямо стрелять. Редкая ночь проходила без того, чтобы кого-либо не убили, а убивали за то, что охотники подползали к этим снарядам, брали тащили ящик или котомку, снаряды выбрасывали, а котомкой пользовались, чтобы сварить себе кипятку. Вода была очень плохая, отражалась на желудке. Шел маленький {неразборчиво} из него брали пить, готовить и тут же стирали белье, а потом стали купаться, вдруг оживился лагерь, разведчики нашли большое здание, не законченное во время войны, рубленное из пластин. И вот как ночь, собирались команды от 5 до 10 человек и уходили на охоту с оружием – топором, штыком или шашкой. Расстояние было от лагеря верст 6-7, приходили и начинали разборку, были такие пластины, что едва доносили вдвоем. Но скоро и это прекратилось – французы заметили и поставили караулы. Стали уходить в Болгарию, собирались большие группы по 200 человек. Начало с вечера собирались по вожакам с картой, компасом и уходили, начальство не могло протестовать, потому что редкая группа уходила под начальством своего офицера. Большинство групп проходило благополучно границы Турции, Греции и Болгарии. Если группа попадала греческим солдатам, всю группу возвращали обратно в лагерь, а если турецким, то пропускали без всякого, и временами даже помогали, и также на болгарской границе всех принимали, проводили вглубь Болгарии, и там встречали с охотой братушек – так называли болгары русских. Сводили в село, сейчас же делали сбор пищи, напоили вином и ракией. Если не успели разойтись, то ночуют по корчмам, а болгары если село 100 хаток, то корчма минимум 20 корчков. В каждой вас напоят и накормят. Стали собираться переезжать в Грецию на остров Лемнос. Вперед был послан технический полк для того, чтобы открыть годную воду для людей. И когда открыли воду, тогда стали переводить части на остров. К Пасхе мы были уже на острове, лагерь был с правой стороны при входе. Донская часть с левой стороны, Кубанская, два военных училища и беженцы, офицеры с семьями, старики и женщины, не имеющие мужей. Закипела жизнь нашей дивизии.

На низу под горой ставились палатки, большинство которых получены от Американского Красного Креста и от французов, а большинство нарывали одну сторону горы, делали площадку около землянки. Внутри оставляли возвышенность как нары для спанья, а посередине проход и накрывалось это место доставленными листьями, какие употреблялись для прикрытия окопов. Дугообразные и в них помещалось по взводу казаков со своим взводным офицером. Все это делалось как у нас лагерях, во время майских сборов, площадки все {полны?} на переключках, на молитвах. Все это делалось под звук трубы. Построили среди лагеря нашей дивизии, вернее поставили палатку для церкви, там служили каждый день, а в праздники вся площадь покрыта народом. И помнится мне, на Пасху к нам приехал Епископ Анастасий. Сейчас престарелый Владыко возглавляет всю Зарубежную Церковь. После литургии он обратился к молящимся со своим пасторским словом, было очень интересно его послушать. Речь

Афанасий Петрович

НИКИТИН

его заключалась в том, что он сопоставлял народы Европы. Он говорил за наш русский народ, это народ, которому ни один народ не может сравниться по благородству доброте души и уважения, а сопоставить все русское во всех отношениях ни с кем нельзя. Какое у нас Богослужение, какие у нас великие писатели, артисты, а какие у нас товары!

Но наша Аристократия свое все презирала – смотрела все на Европу, изучала чужой язык не для службы, а для хвальбы. И вот это зло довело нас сюда, потому что мы не ценили своего золотого и смотрели на бумажное фальшивое, и за это нам придется страдать, но не нам одним, а и нашему поколению. Жили на Лемносе, получая довольствие от французов, паек был очень скудный, фасоль делили по зернышку, сахар чайными ложками, варили пищу в банках, у кого не было сотенных кухонь. Но стали помогать американцы усиленно и снабдили уже и бельем. Открыли мастерские, пошили белые рубашки, и когда приехал наш атаман А.П. Богаевский, построились на косе как белые чайки над морем. А когда приехал генерал Врангель, то весь лагерь с двух сторон поднялся на ноги, это было что-то особенное. Остров Лемнос, он расположен среди Средиземного моря, представляет из себя знак черва. Длина его была 14 мили, а ширина – четыре. Население его очень маленькое, и греков, кажется, всего 2-3 села. Окромя инжира и винограда там ничего не растет, преимущественно инжир. Живут очень скудно, занимаются земледелием, но очень мало, обрабатывают все это на ослах, подвод я не видел. Там селения не обозначено улицами, а так как кто попала. В дом зайти без разрешения нельзя. На крыльце лежит тростниковая палка – сейчас получишь без всякого спроса. Но зато там коньяки хорошие! Жизнь в лагере была однообразная. По разрешению французов на остров пришел пароход для отправки казаков, желающих в Советский Союз, но желающих было очень мало. Название парохода Решид-Паша. Про остров и жизнь на нем была сложена песенка.

Ты, Лемнос, ты наша каторга заграничная тюрьма
Ты безводная, безлюдная, ты угрюмая страна
На твоих скалах увесистых стан казачий обитал
По французскому велению дух казачий угасал
Но не быть французу барином над казаком удалым
Как не быть Бронштейну Троцкому Атаманом Войсковым.

Я задумал сменить головной убор. Был у меня папах из так называемой шленской овцы. Стало очень тепло и к тому же тяжело. Я решил себе сшить фуражку, но материала не было подходящего, и я решил уничтожить безрукавку английского образца. Вышел за лагерь, скроил и начал шить, сидя на камушке. Вдруг слышу, сзади меня шаги, обернулся – командир полка генерал Г.П. Лобов. Я вскочил, он подходит {но был не один} и говорит, - ну что, братец, делаешь? Я ему показываю свою работу, он заставил меня одеть, одоблив, наверное, когда-нибудь занимался, я отвечаю – никогда. Они постояли, посмеялись и стали уходить. Генерал говорит, когда закончишь, приходи ко

Афанасий Петрович

НИКИТИН

мне, я посмотрю. Я только и ответил – слушаюсь, Ваше Превосходительство! Закончил я свою работу, спускаюсь с горы в лагерь, меня предупреждают, не заходи в помещение, а прямо иди к командиру сотни. Я пошел со своей работой. Там сидело человека три офицеров, прямо у входа отняли у меня мою работу и каждый стал примерять, и каждому казалось, как будто бы, она на него и шита. Командир и говорит – мы вчера от американцев получили сверток защитного материала, посмотри, годен он или нет на фуражки. Я говорю, я же не знаю, я первый раз в жизни это взял в руки. Они мне не верили и решили пошить сотне фуражки. Командир мне обещал найти помощников. Утром я иду к командиру взять материал, он мне говорит – есть два казака, которые занимались портняжничеством, и дает их мне в мое распоряжение. И началась работа. Козырьки к фуражкам выдавливали форму из юфти, и мы за неделю втроем пошили сотне фуражки – более сотни фуражек. Нам за то было уплачено, мне как главному мастеру и руководителю заплатили 50 драхм, а моим помощникам по 25 драхм. То были большие деньги для нас, и мы стали за неделю богаче всех в лагере. При той дешевизне на острове хлеб буханка два фунта хорошего стоила 10 пиастров, вязка инжира – 5 пиастров, коньяк бутылка 35 пиастров. После такого заработка я заболел, и отправили меня в лазарет. Пролежав в лазарете недели две, меня еще не совсем выздоровевшего, по приказанию командира полка генерала Лобова забрали из лазарета, и я вместе с полком прибыл в Болгарию под Воздвижение Креста Господня, т.е. 14 сентября 1921 года. Мы всем полком после карантина двухнедельного в Бургасе переехали в город Карлово, в бывшие казармы пехотного полка. Здесь мы зажили, забывая и Лемнос, и все страдания на пароходе. Обратно как будто бы в действительную службу полка, везде дневальные, дежурные рапорты, общая кухня для офицеров, отдельные офицерские собрания со всеми принадлежностями, дежурство на кухне. За обедом под командой вахмистра или урядника, под командой заря утренняя или вечерняя отделялась от утренней с танцами и песнями. Шли в город только с разрешения вахмистра или командира сотни. Под командой сотня шла даже в церковь – в общем действительная служба. Стало пахнуть весной, стало скучно и надоедать эта атмосфера – одно и то же. Стали брать отпуска на два-три дня для поиска работ. Мне сообщили, что есть у одного деда с бабкой работа столярская, кто бы пошел ее сделать. Я назвался, и утром те казаки отвели меня туда. От города было недалеко – 2 или 3 версты. Пришли, дед немного говорил по-русски, был ополченцем. И мы с ним пошли к соседу, посмотреть, как было сделано там, так и они хотят. Но вопрос был самый важный в инструменте. Инструмент был: пила, тесло и рубанок. И я решил делать, забиваются 4 столба в пол, полы вообще у них были земляные. И вот эти столбы {ошалеваются?} с двух сторон, спереди делается дверка, снизу две полки и наверху полка, и вот тебе гардероб. Потом были готовые доски, первый день я забил столбы для шкафа и приготовил материал. Вечер скоро, мне нужно успеть, дочь – барышня лет 14-ти пришла, овец пасла. Стали ужинать. У них столов нет, также и стульев. Низкий круглый стол как наши полевые сиденья. Кругом стали по-турецки, и вот я стал садиться и неправильно сложил ноги, стал поправлять их и зацепил одной

Афанасий Петрович

НИКИТИН

ногой софру т.е. стол, и ногой перевернул, все на столе опрокинулось, мне стало стыдно, но старик меня успокоил и объяснил старухе и дочке, что у нас таких столов нет.

Обычай у них: в маленький флакон с малюсенькой дыркой наливается ракия, и вот начиная с хозяина каждый тянет через дырочку этой ракии, дает следующему, и так обходит этот флакон до края обеда или ужина. Если в нем кончилась ракия, дополняется. Пища у них почти что однообразная, преимущественно фасоль, а также в ресторанах народных, фасоль во всяком виде. Проработав там три дня получаю 50 лев деньгами, одну бутылку ракии, большой домашний хлеб, большую тыкву, и я едва дошел до казармы с этой ношей. Потом после ужина, за которым я приложился к этому флакону несколько раз. Когда пришли в казарму, сразу поставил на стол и на закуску кусок брынзы, тоже подаренной дедом, и братия обступила, даже командир полка пришел поздравить меня с первым заработком, и говорит, - вот, что значит расти у отца, который знает все хозяйственные нужды, на Лемносе фуражки, а здесь – шкафы. Ну дай тебе Бог пробивать себе путь к обеспечению своей жизни в будущем. Скоро казаки стали уходить в села – наниматься к зажиточным хозяевам. Некоторые брали из-за уважения к русским, ценившие нас за ихнее освобождение от Турецкого ига. Я тоже подобрал себе четыре человека, и мы двинулись искать счастья в селах. Пришли в большое село Кара-топрак, остановились у одного священника, у которого жил наш казак, присматривая за лошадью и коровой, а нам дал священник наверху над сеновалом квартиру с условием, чтобы мы не курили там, но из наших четырех человек не оказалось курящих. На другой день мы пошли на работу делать из грязи кирпичи, т.е. саманные, из которых была постройка у болгар. Грязь мешалась с мелкой соломой, высыхала, и эти кирпичи закладывали между клеток дерева обозначенного дома или другой постройки. И вот мы занялись этим. Довольствие хозяйское, кому это делаем. Все пошло у нас хорошо, только на руках и ногах оказались цыпки. На ночь намазывали каким-то составом, который давался нашими хозяйками. Сперва сжимались, потом смягчались, и становилось совсем хорошо. Подошел покос травы, мы попросили, чтобы нам купили косы. Траву косили мало. Я подделал грабли и крючки к косам, чтобы косить хлеб. Урожай в том году был очень хороший, и когда стал созревать, я собрал свою армию, забрали на плечи свои инструменты – косы и грабли, и пошли в поле предлагать свою работу. Почти целый день ходили по полю, смотрели, где жнут, подходили, предлагали. Хозяева ни в коем случае не соглашались допустить нас до хлеба, - вы нам весь его обмолотите. Мы их уговаривали, что все будет хорошо. Мы разделились пополам, двое пошли в одну сторону, двое в другую. И вот я подхожу, муж и жена жнут ячмень в маленьком загоне. Я ему начинаю предлагать, он взял мою косу, покрутил в руках, помахал ее около хлеба. Позвал «булку». Булка по-болгарски – жена, посоветовался с ней и решил допустить нас и посмотреть, что из этого будет. Я взял косу, перекрестился и начал косить. Прошел я сажень, остановился по знаку хозяина. Он упал на землю, потом смотрит зерно на земле, позвал жену, она тоже нагнулась, стала смотреть на землю, искать выбитое зерно, но не могли найти ни зернышка на

Афанасий Петрович

НИКИТИН

земле. Они были очень удивлены, как это хорошо и экономно, потому что жуть от земли высоко. Всякая земля остается, а косой режется низко. Все это перемалывается в корма, а корма в Болгарии за молоземельем дорого стоят. Я обошел кругом этот участочек, мой работник с граблями оттуда и отсюда загреб в валик, и получился сноп. Хозяин сразу же связал его. Тогда он спрашивает меня, - а рожь я можно? Я ему говорю – все можно, рожь, ячмень и пшеницу. Он тогда говорит жене, - булка, иди домой и приготовь «кокошку». Кокошка, это курица, а мы придем после. Жена ушла. В это время подошла другая пара, нигде не могла навязаться косит, и мы вчетвером в две косы, вдвое граблей как языком слизали этот клочок. Хозяин еле успевал вязать снопы, и мы все вместе снесли их в крестцы. Хозяин берет наши косы и грабли себе на плечо и ведет нас на другой загон, где находилась рожь. Солнце было в полдень, ржи оказалось немного {один квартал}, четверть десятины, и мы моментально принялись за нее. Через некоторое время вся эта рожь была повязана в снопы и снесена в крестцы. И хозяин забрал наши косы и грабли к себе на плечи, и мы пошли домой, начали петь песни под ногу. Домой мы прямо не пошли, а зашли в корчму. В Болгарии, если село в сто хат, то минимум 20 корчм, и не один не пройдет с поля, чтобы не зайти в корчму, хотя дома у него своя ракия, свое вино. Если он с быками, он пускает быков, они сами домой доберутся, но он корчму не пройдет. Входим мы в корчму, он с нашим инструментом садиться за стол, он заказывает кило {?} ракии и начинает агитацию. Вы придите посмотрите на это чудо, завтра они будут вот там, и указывает, где у него еще загон есть. И так мы за сезон покоса заработали 8 550 левов. Мы пришли в полк уже в город Пловдив, куда из Карлово перешел наш полк. Расположились в казармах, опять построили кухни и офицерское собрание. Группа полковника Л.К. Дронова еще не была, она ушла на покос травы, и заработала тоже неплохо, но не так как мы. Мы сразу пошили себе боксовые сапоги, пошили суконные брюки с лампасами, и еще кое что, и деньги еще остались про черный день. Но казакам не сиделось в казарме, пошли промышлять, искать себе работу. Много поустроилось на табачных складах, преимущественно офицерство. Рядовое казачество рвалось на свободу и чистый воздух, а самое главное – надоело это чиновничество. Я устроился в интендантство в качестве дереводельца. Там мой близкий друг уже работал, которого я в Крыму раненого спас, и он поговорил с капитаном болгаринном, который руководил этой работой. Я пришел, сделали мне проверку, могу ли я работать по этой отрасли. Заведующий работой чиновник одобрил мою работу, я поправил колесо, доложил капитану о моей работе. Он мне сказал, - иди забирай вещи свои, иди сюда завтра, начинай работать.. И я сразу же пошел забрал и перешел в казарму, где помещались наши казаки в числе 23 человек. Нас трое специалистов. Два столяра и один кузнец – и мы зажили припеваючи. Работа нас не утомляла. Капитан сказал чиновнику, - передай им ключи и пусть они работают, когда хотят, и не притесняй их. Чиновник приходил, когда работал, а когда уходил домой, дом его был недалеко. И мы через короткое время своих друзей снабдили сундучками. Я стал учиться на струге, был струг, который вертелся ногой. Но я скоро научился, и такие фигурки выделывал для игры в шахматы.

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Проработав два с половиной года, меня капитан возлюбил, он немного говорил по-русски. Говорит мне, иди наверх, и будешь надзирателем над мастерскими, а самое главное – над мастерами, а то наши все растянут. Я пришел, мне дали книги списки рабочих, портных и чеботарей, которые помещались на верхнем этаже. Казарма была угольником, при входе в казарму на втором этаже был маленький коридор. Портняжная была вправо, а сапожная была влево. В коридоре висел колокол. В который я должен звонить {в} начало работы, на обед – два раза, и вечером – по окончании работы. Утром я должен отметить каждого рабочего, находящегося на работе и отсутствующего, выдать материалы одной и другой мастерской – старшим, которые расписывались за материал. А вечером перед концом я должен принять от них готовые вещи, тогда я уже расписывал. И так шло, я сидел за своим столом, читал романы, то Бебутовой, то Брешко-Брешковского. Материал был отдельно в складах там же в казармах. Если большой заказ на обмундирование, я ездил получать на склад главного интендантства. Столяры и кузнецы тоже мне подчинялись, и я ходил только для того проверить. Все это было хорошо. Замечал я злоупотребления чиновников, но молчал. Получен был заказ пять тысяч разных палаток для армии. Узнав об этом наши два казачка Алимов и Кузнецов, пришли узнать, можно ли поступить на работу. Их принял капитан и сказал мне поместить их отдельно от портных, где шьют, а там, где сложен материал для палаток. Тут же были остатки материала кожевенного, где работали сапоги, тоже, кажется, 5 тысяч. Остатки были сложены по кулям – юфта себе, подошва себе. И вот я их поместил вдвоем туда. Поставили столы, и они начали работать. Был июнь или июль, начальство мое почти все на курортах, они меня стали просить, - дай нам по паре подметок. Я им говорю, сейчас я не могу, а когда будет начальство здесь, я тогда вам дам. Но дожждаться того, что я им обещал, они уже приспособились под штаны записывать не подметки, а целые подошвы. И также брезент, который они резали на палатки, накручивали на себя. Распахнут пиджаки, проходили мимо, я им верил и пропускал их без ощупывания. Они жили на квартире вместе, где жили три сестры старые девы и мать вдова. Девки эти что-то не поладили с ними, и донесли в полицию. Как они узнали за те клочки, я не знаю. Одно время близко к 12 часам поднимаются наверх, где выходят рабочие по звону колокола, один стражник и агент. Спрашивают меня, - здесь работают такие то. Я говорю – да. Покажи нам их. Они выходят тоже обмотанные, их сразу забирают и увозят домой. Сделали обыск, нашли клочки подошвы и брезента. Повесили все это на них, и повели по городу приблизительно версты 1-2 в тюрьму {так называлась еще по-болгарски Таш – Копия??} и начали им всыпать, чтобы брали и не попадались. После этого приезжает чиновник из штаба и говорит мне, - собирайте все свои книги, по которым ты руководишься. Я собрал, сел в кабриолет и поехал в штаб. Приезжаю в штаб, начальник был генерал Бончев, он очень любил русских, а адъютантом был майор Ангелов, мы с ним очень хорошо знакомы. Я часто был у них в доме, помогал ему на плантации винограда. Он меня повел к себе в кабинет прежде чем представить генералу. Я ему рассказал все как было, но меня уверили, - раз у тебя книги в порядке, ничего не бойся, и не давал ты им

Афанасий Петрович

НИКИТИН

ничего. Представил меня генералу. Он жалостно посмотрел на меня и говорит, - не ожидал от вас такой глупости. Но иди домой, чиновники проверят все. Если все у тебя в порядке, то ты не бойся. Меня отвезли опять в казарму, а книги остались в штабе. Я эти два дня {чуть} было с ума не сошел. Я не знал, что делать. Я боялся, что их заставят меня присоединить к ним, потому что полиция наверняка не верила им, как они все это выносили. Заставили их проделать свой фокус при полиции. И они их били как следует. Через два дня приходит за мной кабриолет, и везут меня в штаб. Адъютант встречает меня веселый, и говорит, - все в порядке. Вхожу я к генералу. Ну вот, молодец, ты нам указал еще искать преступников более тех твоих сапожников. Кто подсчитывает расходы материала, который получен из главного интендантства? Я ему говорю – поручик Стефанов, я ему даю сведения сколько получено, сколько израсходовано на то и на то, а какие сведения он дает, я не знаю. За ваше время, которое вы были без поручика 20 дней – у вас экономия на 300 метров, а где же экономия за прошлые годы, нигде не показано, ни сантима. Езжай и продолжай эту работу. Я поблагодарил, он встал и подал мне руку. И я успокоился, поехал в казарму. Тем героям был назначен суд, присудили их заочно на три месяца тюрьмы, а если уедут в другую страну, то иска никакого не будет, и через неделю они уехали во Францию. Тогда во Францию очень много уезжало. Но я боясь свою высшую администрацию стал проситься в мастерскую опять. Меня не пускали, я стал просить Ангелова, адъютанта генерала, чтобы через доктора меня оттуда освободили по болезни, и так я ушел в мастерскую. И действительно я там разболелся, сидя за романами целый день не разгибаясь. Стану подниматься, у меня в груди хрустит хрящ. Я начал докторов навещать два раза в неделю, все переменял новых. Ходил на рентген, тогда они только появились у доктора Квицинского, старшего врача Черноморского флота. Он с меня взял за один раз 500 левов, а толку никакого. А один доктор {который} помог мне на всю жизнь, он был на службе в 3-м конном полку. Все офицеры и доктора, служившие при военных частях, получали материал от нашего склада, которым я заведовал в казарме. Он пришел получать материал на две пары ботинок. Бокс был французский. Я ему пожаловался, он говорит, - я оставлю материал на одну пару здесь, пусть мне сошьют, и попроси своего старшего мастера, чтобы сшили хорошо, а когда будет готово, вы их принесите мне на квартиру, и там я вас посмотрю. И так я и сделал. Взял ботинки и понес, пришел, его нет дома, он был при полку. Приезжает, посмотрел ботинки, ему понравились. Позвал меня в кабинет, спросил, у какого я доктора был. Я ему говорю, наверное их всех прошел здесь в Пловдиве, и даже побывал в Софии. Разделся, он ослушал и говорит, знаешь, что Апанас, вы ничем не больны и знайте раз и навсегда от сегодняшнего дня вы не больны. Только никому не говорите, я говорю это вам против докторских интересов. Я дам вам рецепт, но это не от какой болезни, а для утешения вам. Вот в чем дело, вы человек рабочий, у вас была развита очень грудная клетка, а сейчас вы сидите скорченный над столом с книгой. И у вас затвердение хрящей, которые ходят один над другим при движении. Они должны ходить, но они затвердели, и у вас при движении ощущается боль. Все это пройдет, или больше работайте или делайте больше

Афанасий Петрович

НИКИТИН

гимнастику. Я поблагодарил его за указания, что мне надо делать, и до сих пор я никогда не чувствовал в груди боли. За время моей работы в интендантстве мне пришлось сдавать экзамен государственный на право быть мастером. {по белой работе, т. е. окна и двери} а самое главное – быть руководителем в работильнице, где стали набирать солдат специалистов в ту часть. Где я работал. Так называемая интендантская дружина, где я имел право носить военное обмундирование в чине болгарского фельдфебеля. Потом лично по своему желанию я сдавал на мебельную работу, экзамены были не тяжелые, а самое главное, администрация была знакома, а самое еще главное {была} рекомендация моего начальства. Проработал я там с августа месяца 1921 года до августа 1939 года. А потом перешел на табачный склад по желанию моих бывших начальников. Они ушли уже в запас армии, поступили на табачный склад, как администрация той фирмы, а фирма была очень солидная с капиталом англо-американским под названием «Котабул». Здесь мне пришлось познакомиться с мастером греком, который работал только на машине для обработки табака, так называемой Тонга. Рабочие женщины табак сортировали по качеству на третьем этаже этого склада, где были сделаны специальные стлы. Подобно ученическим партам передним покрытая крышка алюминием, по сторонам ящики с табаком. Берет из ящика пучок или два, кладет на стол и сортирует его по качеству. Впереди стола на подмостках стоят пять ящиков с крышкой, и они бросают каждый избранный лист в свой ящик. Проезжает с большой легкой на колесах куличкой, высыпает тот табак, который он собирает и везет в то помещение, где стоят машины. На машинах пускается вниз лист идет все время специальные сита, сделаны из плайвуда с известными дырочками. Идет этот табак уже по трубам прямо в коробки, которые стоят над дырой. Приготовленные коробки эти на петлях растворяются, в них падают листья табака, которые стоящим около каждого ящика человеком утолчаются и малость выпрямляет. Как наполнится тот коробок, его отводит другой человек прямо на весы: добавляют или отнимают. Но вес должен быть одинаковый, тогда везут его под пресс, который установлен над стеной. В ящике был поставлен полотно, который держит табак, чтобы не рассыпался. Этим материалом он связывается, стягивается, в него заделаны веревки. Вес был разный какой табак. 1 сорт делалась Тонга. 25 кг и были до 35 кг.

Вот эту машину мне пришлось делать, и я все делал без всякого дефекта в работе. После я почти ничего не делал, ходил, наблюдал за этой машиной, как она работает. А в мастерской у меня было два помощника, которая работа требовалась, опять под моим руководством исполнялась. Кое что я делал для директора этой фабрики.. Он – еврей, жертва Гитлера. Его отец самый богатый был в Германии. Гитлер у них все отнял, вернее, конфисковал, и он уехал в Болгарию. Но, наверное, капиталами владел, очень хороший был человек. Женился он в Болгарии тоже на еврейке, взял приданое в 5 миллионов долларов. И так я работал припеваючи там.

Афанасий Петрович

НИКИТИН

Вот разразилась война между двух идиотов – Гитлера и Сталина, а страдали и умирали ни в чем неповинные миллионы людей. И в это время русские, думая, что освобождение Родины настало, решили помочь Германии. Объявили сбор русских для формирования Русского Корпуса. Я тоже не хотел отставать и пошел в Русский Корпус. В мае месяце 1941 года я ушел из Болгарии. В Корпусе служба была очень тяжелая в виду того, что Корпус находился в чужой стране, где народ разделился на две части. Одни выступали за национальные интересы страны, поддерживая наследника Короля Александра, которого убили темные силы, а другие – современные интернационалисты, которые поддерживали вождя пролетариата коммуниста Тито. И вот при таком положении нам пришлось находиться. Корпус был расположен по всей стране, особенно там, где добывалась разная руда. Сербия была занята немецкими войсками. Так как мы находились под немецким командованием, то они распоряжались русскими войсками как хотели. Вот мы своей сотней были поставлены в такой глуши, в такой гористой местности, так называлась Столица, где добывали руду. Рабочих было мало, но и они были настроены против нас почти все, особенно за то, что мы вошли в подчинение немцев. Выходить куда-либо или ехать – всегда находились в опасности. Из под каждого угла, балочки или дерева на вас нападали, убивали, забирали все, что у тебя, даже на тебе, это были те же сербы, партизаны Тито. Особенно было трудно защищать от партизан проходивших немцев, которые возвращались разбитыми из Африки. Их партизаны уничтожали днем и ночью, потому что они брели все вразброд, без оружия. И нам приходилось их защищать от партизан Тито. Вскорости самим пришлось без остановки пробираться в Австрию для соединения с Английскими или Американскими войсками. Очень трудно пришлось на границе Югославии и Австрии. Там находится большой тоннель, кажется, 4 мили {свет был потерян?} и когда наш Корпус вошел в тоннель, то с другой стороны закрыли нам выход из тоннеля, но хорошо, что одна часть Корпуса вышла из тоннеля, и они контратаковали, отбили партизан от выхода из тоннеля, партизан не было так много, и мы благополучно вышли, а утром передались англичанам. Тут же последовало распоряжение сдать оружие, и вот по частям пошли по дороге Клагенфурта, вернее села Тигрина. А оружие сбрасывали с себя по ту сторону дороги, так же и с подвод. Последние части проходили между двух стен. Тут же встречали и провожали нас советские {малые?} команды, все нас очень критиковали, - ну что, дослужились. Идите, идите, дойдете до своего краю, всем вам быть в одной яме.. Так вашу разтак! Тут нам отвели в поле лагерь. Стали частями, как были в корпусе. Пищи нам не давали англичане 11 суток. Кушали преимущественно своих лошадей – у кого были. А у кого нет, я не знаю, как они существовали. Варили всякую суррогатину, сотнями собирали в поле и в огородах крапиву. Раздобыли картофеля у одного богатого австрийца, обменяв на хомуты, которые оказались лишние. Они вообще были все лишние. Но сообразили хомуты сдать и получить за них картофель немало. И мы пережили это не так то трудно, уже вечерами и песенки запевали, а в карты бились без остановки. Начали группами и поодиночке рассылать нас на работы. И мне пришлось уехать за 50 миль от лагеря в один маленький городок

Афанасий Петрович

НИКИТИН

для заготовки отопления для частей и лагерей. В Австрии лес вообще очень хорош, и вот мы такой лес губили на это, прямо жалко его было уничтожать. Отводили специально деляны, и вот все под корень счищалось. Лес более был на косогорах. Было немного трудно его спускать на низ, а спускался он целыми деревьями. Отвели нам такой маленький барачек человек на 30 мест и кухня. В нем до нас были тоже русские, но пленные из {Красной} Русской армии. Потом пришлось нам. Работали мы свободно, спускались в городок, где было кино, нам было разрешено посещать кино. А стояла в этом городе унгарская дивизия, ей не разрешали посещать кино. Нам город увеличил по карточкам паек, а самое главное – в городе жил и торговал мясом австриец, который в 1-ю Европейскую войну был пленным в России и жил на Дону 3 ½ года. Он нас снабжал и колбасой, а особенно кровью, из которой тоже готовили пищу. И вот мы жили себе там спокойно. 18 человек работали в лесу. Кашевар, который оставался всегда в помещении, готовил для всех пищу, а я работал в мастерской стекла. Около барака было имение, хозяин был офицер нацист, он очень был доволен всеми нами. А хозяйство смотрела жена, два работника и две прислуги. Были коровы, я не знаю сколько, были свиньи, тоже не знаю, сколько, но, наверное, немало. В работильнице мне было очень хорошо, работы было мало, я только поправлял инструмент, делал клин для колки дров. Но вдруг хозяйка меня включила в работу по дому. Я ей сделал две ряжки, а потом она говорит, - сделай мне ванную. Я говорю, - постараюсь, - материала было целый большой сарай, какой угодно, что не было – покупали. И я сделал ванную. Они с мужем были очень довольны. У них был мальчик двух лет, хозяйка решила ему сделать деревянного коня, чтобы он мог сесть на него верхом. Что нужно, я все купил, но чтобы мальчик не знал и не видел его до тех пор, пока он не будет вполне готов, а потом мы его скроем, а после ему на Рождество покажут. Но мальчик часто бегал ко мне в работильницу, когда я работал он вообще не обращал внимания, а хозяйка приказала смотреть за ним и не пускать его ко мне. Все я сделал, сделал и седло. Чепрак красный обшит белой лентой, и стремяна погнул похоже на действительные. Хозяйка сшила подушку. Дала мне ремней на подпругу и уздечку, ваты для пополнения его хвоста и гривы, два одеяла почти новые, я все это обтянул, покрасил до колена. 3 ночи Звезду с проточкой на лбу, и вот готов конь. Под ним две полукруглые дуги, так что он катается вперед и назад. Решили его перенести в комнату скрыть. Хозяйка пришла с горничной, принесли одеяло, чтобы его скрыть. Мальчика затворили в комнате, но он хитрее их, вышел из комнаты и наблюдал в окно, видел, как мы его несли, но видел, что это было, когда мы принесли в комнату к горничной. Хозяйка приказывает, чтобы он не увидел, а он из-под кровати смотрит и слушает и тут же выскакивает, хватается за то одеяло, которым был покрыт конь. Мать кидается от него вырывать одеяло, горничная тоже, он горничную укусил за руку и оказался победителем. Открыл его и сразу полез на него. А горничная схватилась за руку, он ее так укусил, что зубы так и обозначились, и выступала кровь.

Афанасий Петрович

НИКИТИН

И так продолжалась наша жизнь на горе в бараке. На работу ходили все. Потом наш начальник сказал: «Может у вас один оставаться каждый день по очереди», и так мы делали, пока не сменили его как нациста. Пришел другой с коммунистическим взглядом, повел это дело совсем по-другому. Мы продолжали сидеть в этом бараке, играть в карты, читать нечего было, рассказывали о своих приключениях в жизни, а их было у каждого много. Вскоре тот наш начальник стал приглашать к себе в известные часы, когда передавались новости, а самое главное обращение Советов к русским, чтобы ехали домой. Родина вас ждет. Но мы раз пошли, а потом и ни разу не думали повторить. Скоро заговорил он о нашем перемещении на другую работу, но мы ему не верили. Вдруг приходит полицейский и говорит, чтобы мы были готовы. Но я не дремал и уехал в Клагенфурт к полковнику Амилахвари, попросил его забрать нас оттуда, рассказал, в чем дело, и он выслал за нами трок на другой день, и мы вернулись к своим в Клагенфурт, где работали очень много по очистке города. Здесь я поступил в мастерскую при лазарете, там были большие склады при Гитлере. Эти склады были переданы пленным немцам, преимущественно офицерам авиации. Их было приблизительно 150 человек. Они развозили служащих больниц – докторов и вообще больничный персонал. Меня причислили к ним на довольствие и на работу по разному ремонту помещений и автомобилей. Я жил там – панствовал. Я стал им делать коробки к радио, и они мне платили хлебом, картофелем, масло давали, дрова мне привозили на квартиру, где я жил – сколько нужно. Я отапливал целое помещение, где жили наши казаки, дневали выходцы из России с немцами. Каждый день за мной выезжал автомобиль утром, а вечером привозил обратно. Пищей я был сыт там на работе с одной кухней довольствования, а вечером привозил два или один хлеб белый английский в казарму, где я жил и раздавал детишкам – нашим казачатам, а их было у нас человек шесть. Все они уехали с отцами и матерями в Бразилию. Туда очень рано стали увозить из Австрии в Венесуэлу, Бразилию и Аргентину. Скоро я уехал в американскую зону в город Зальцбург. В лагерь Хельбрунн в ИРО, где поступил на работу как мастер столярной работы. Работы было очень много, здесь был сборный пункт, откуда отправляли со всей Австрии в разные страны. Работа была нетяжелая, и я устроился благодаря начальству неплохо. Мне дали при штабе самостоятельную квартиру, я жил сам. Дров, угля – сколько хочешь. Но скоро всех перевели в лагерь Парш, в котором очень много было беженцев. И здесь я устроился неплохо. На работу в Хельбрунн из Парша нас, работающих в Хельбрунне, возили на автомобиле. Стали уезжать корпусники. Все отъезжающие из Австрии приезжали сюда для комиссии и получения документов. Тогда и я вписался в очередь и стал собираться к поездке. Накупил себе инструмент – и взял с собой в Америку, откуда мне сообщили, что неплохо иметь свой инструмент. Перевозка не стоила ничего. Я в Америке получил все сполна уже на установившей квартире. Прибыл я в Америку 11 ноября 1951 года в город Нью-Йорк к своим знакомым, Николаю Хоперскому. Он меня встретил на пристани, и мы с ним пешком пришли на квартиру, было очень близко. Идя по улицам города я удивлялся такому движению автомобилей, и их стоянкам по всем улицам. На

Афанасий Петрович

НИКИТИН

второй день с женой Хоперского пошел в город за продуктами. Удивился и там этой простой доверчивой торговле, без языка можно набрать, что твоей душе угодно. И так я начал свою жизнь в Америке, в самом большом городе Нью-Йорке.

Пробыл три – четыре дня, меня зовут на работу на пароходы, строить их. Но только далеко мне пришлось ездить подземкой 1 ½ часа в один конец. Работать тоже было нетрудно. Делали каюты на пароходе...Проработал я три месяца, уже получил 10 центов увеличения и нас стали увольнять частями. Я в первую очередь не попал, а во вторую угодил. Получал я 1. 10 центов в час.

И я стал бродить по городу искать работу, было очень трудно, не зная языка – как спросить, как объяснить, что я могу делать. После недельного хождения по городу я ничего не нашел, и решил поехать в городок Лейквуд, где жила группа казаков, с которыми я имел переписку, и они мне посоветовали поехать к ним. Но у них я ничего не нашел. Стал искать самостоятельно, опять был нужен язык, а тут привязались ко мне чирии. И я зашел во вновь открытую мастерскую, работают только двери и окна. Я спросил хозяина еврея, он хорошо знает русский язык, но не хочет говорить, только спросил, - можешь ли ты работать вот ту работу, показав на окна и двери. Я ему ответил - да. Он говорит, - приходи завтра. И я так и сделал, пришел, и мы на длинном верстаке стали собирать окна. Работой моей были довольны, как хозяин, так и мой коллега, с которым работали на одном верстаке. Работа стала очень быстро увеличиваться, стали набирать новых рабочих. {Хозяин} купил трок, стал развозить окна по постройкам, стал получать большие заказы на постройки, стал получать готовые части за окна, двери, и на виду все это росло, как весной трава, и через год у него стало три трока для развозки окон и дверей, пристроил еще помещение, набрал рабочих, стало человек 25 рабочих. Сделал большой офис, появился секретарь. Он сам не стал работать, все было передано форманам. И к нам поступил новый форман, тоже еврей, такой вредный, все рабочие его невзлюбили, а он меня, и стал во всем меня преследовать. Его цель была, чтобы убрать меня с работы. Он меня гонял на всякие работы. Хозяин меня защищал, так он и добился того, что я не попал на станцию выгружать материал для нас – для окон и дверей. Я сказал, что больной, он сказал, - ничего, мы с тобой поговорим после. Усиленно меня стал гонять на всякие работы, нигде не мог подкопаться. Я и стекло резал, замазывал замазкой. Он проверял, сколько я стекла замазал за день. И, наконец, настоял перед хозяином меня уволить. Потом и мне надоело бегать с одной работы на другую. На всякой работе придирался. И меня уволили. Я нашел работу тоже через еврея контрактора для постройки дома. Он меня взял на свою машину, где ему делают для новых домов кабинеты, и окна и двери. И я там устроился, было очень хорошо. Я усовершенствовал поделку кабинетов и другую работу. Проработав два с половиной года – подошли года за пенсией, и я уволился, думая жить помаленьку, прирабатывая немного к пенсии – и доживу свой век. Но получилось другое – судьба играет человеком. Явилась возможность стать семьянином. Приехала одна дама с внуком из Европы. Выписал их мой знакомый А.И. Гаврилов. Я был к ним вхож, он меня учил английскому языку для экзамена на получение лицензии

Афанасий Петрович

НИКИТИН

для права езды на автомобиле. И вот я познакомился с ней. Слово по слову, мы договорились коротать совместно нашу беженскую жизнь. И вскорости мы купили дом и зажили. Пришлось мне трудновато с финансовой стороны. Я без работы, на работу уже не берут как пенсионера, и мне пришлось смириться с тем предложением, которое мне предлагают, и я поступил во вновь открывшуюся фабрику для мебели. Тогда она была обыкновенная мастерская, в ней работали два хозяина компаньона. И три человека рабочих, в числе их и я. Вдруг на моих глазах стала работа увеличиваться, и через три года стала настоящая фабрика, где работало до 100 человек, вырабатывали за сутки до 100 разных кухонных кабинетов, а сейчас я не знаю, потому что я не работаю там по старости лет и по болезни. Заведение семьи после моего одиночества со дня выхода меня из родного куреня мне было немного трудно привыкать к семье. Но постепенно дело наладилось, потому что хозяйка была опытная и сразу повела хозяйство очень хорошо, и мы жили я бы сказал неплохо, но счастье наше было на малое время. Скоро она заболела, стали доктора вмешиваться в нашу жизнь, потом – больница. Пробыв в больнице 2 недели, ей захотелось домой, но болезнь продолжала ее беспокоить. Пришлось повторно лечь в больницу и оттуда не выйти. Через год нашей совместной жизни она оставила нас вдвоем со своим внуком, с которым она приехала из Австрии. Ему было тогда 12 лет. Вот мы зажили с ним, он ходил в школу, я работа и смотрел за ним. Он был очень внимателен ко мне и прилежный к учению. Скоро его учителя полюбили, и он был у них общий любимец. Подарили ему телевизор не новый, но исправный, но он особенно им не увлекался. Придя из школы, он дожидался меня с работы. Я начинаю готовить, а он уроки учить, покушаем, он, если не кончил уроки, продолжает учить. Как кончит, начинаем смотреть телевизор. Относительно довольствия он очень серьезный: смотрит на ложку и вилку со всех сторон и тогда только прикоснется к пище. Пищей он всегда был доволен, что бы я ему не подал, и никогда не сказал, что это невкусно, я не буду есть. Покушал, что бы не дал, поблагодарил и пошел делать свои дела. Иной раз спросишь: «Саша, что тебе приготовить?» Он никогда не скажет. Что сготовишь, то и будем есть. И так у нас с ним всегда были лады относительно пищи. Перешел он в хайскул, нужно было ездить в Лейквуд. В школе его учительский персонал возлюбил, нашлись хорошие товарищи хороших богатых родителей. Часто приезжали к нам, я их угощал чем мог. Они были очень внимательны ко мне. Саша был очень скромный мальчик. Ходил в русскую школу по субботам, учителя его ставили другим ученикам в пример. Несколько раз выступал в разных представлениях, и до сих пор продолжает. Когда требуется хороший актер, он соответствовал такому. По окончанию хайскул школа дала ему в вознаграждение денежное пособие в сумме 2000 долларов, распределив их в университете по 500 долларов в год, куда они во время вносятся. Потом штат ему дал пособие 400 долларов в год до конца окончания им университета. И так он получает в год пособие 900 долларов, а остальное приходится добавлять, еще столько же. Учится он пока, слава Богу неплохо, и есть желание учиться, добиться себе лучшего в будущей жизни. Дай Бог ему успеха в его труде. А я живу дома, у нас есть с ним домик, не так что хороший,

Афанасий Петрович

НИКИТИН

но уютный, и мы его полюбили, как Саша, так и я. Саша, учась в университете в то же самое время работал чертежником у одного русского архитектора Сергея Подюкова, имея контору в городе Toms Rivera. Приезжая из университета на субботу и воскресенье домой, он всегда ездит на работу, иногда и в воскресенье работает. Всякое свободное время от университета он всегда на работе. Также в летние и зимние каникулы все время работает, потому что надо на жизнь и университет. Платит он ему 2,50 доллара в час и считает его очень хорошим работником. Ему очень трудно приходится, утомляется очень, никаких развлечений. Я ему говорю, – Саша, давай себе свободы больше, он говорит, – когда кончу, тогда и свобода будет, а сейчас нужны средства, чтобы кончить. А я не могу ему бедняку помочь, нет здоровья. Когда я работал на фабрике и дома, тогда нам с ним было легче, и требования были меньше. А сейчас я ему плохо помогаю, только тем моя помощь – постирать, подшить, приготовить. Но и зато он всегда меня благодарит и бывает доволен моим приготовлением. Сейчас я перейду за себя, что я встретил здесь в Америке для себя утешительным. Можно не стесняясь сказать, что я ничего не нашел утешительного для жизни. Здесь нет общества, к которому мы русские, особенно мы казаки привыкли. Нет уважения одним другого, и что ни год, то становится все хуже и хуже. Нет душевной радости на торжественных праздниках, когда они подходят, и когда они подошли. Только минутное удовольствие встречаешь, когда ты в церкви. И в церкви ты все оставляешь. Идя в церковь, за пределами церкви ты встречаешь людей, которые на тебя не хотят посмотреть. Какая же здесь душевная радость. При всем этом ты невольно переносишься туда, где была общая радость от мала до велика, и она заставляет тебя чувствовать таким счастливым на этом грешном свете. А здесь что, чем можно отметить такие дни – ничем. Когда ты здоров – погоня за долларом, а когда ты нездоров – никому ты не нужен, и с тобой никто не хочет знаться, опасаясь тебя – как бы ты что ни спросил. Вот тут-то уместно сказать: Что имеем – не храним, а потерявши – плачем. И я все время грущу и жалею, что я свое брренное тело привез сюда на страдания. Почему меня не постигла смерть там, где я не видел этого грехопадения. По приезду в Америку в 1951 году в ноябре месяце, я попадаю в горд Нью-Йорк к своей знакомой семье к Николаю Хоперскому, к его жене и сыну, которого в это время не было дома. Он отбывал уже воинскую повинность в американских частях. Меня встретили как родного семьянина, и я стал у них жить. Тут же вскоре мне нашлась работа на острове, где работаются пароходы. И я поступил туда на работу. Работа мне была знакома по дереву. Я был включен в группу, которая отделявала внутренности парохода, т. е. стены для комнат, полы. И так что нужна работа не тяжелая, но опасная в виду того, оплошность самих мастеров – не делая себе солидных проходов по трегерям. А пришлось ходить по очень узким проходам с большой осторожностью. Были случаи и частые, когда падали в трюм и разбивались насмерть, в лучшем случае становились калекками. Проработав там 2 ½ месяца, уже получил повышение 10 центов в час. Нас наш старший предупреждал, – особенно не спешите, если близко за вами нет наблюдения государственного контроля, потому что материала у нас мало, а материал

Афанасий Петрович

НИКИТИН

весь шел из Японии. Один день приходит комиссия в числе 7 человек офицеров морского ведомства. Прошли по пароходам, один уже был готов – красился. Другой, на котором я работал – работался, а {на} третий приготавливался материал, а самое главное – гнулись ребра. Офицеры обошли все и ушли, а в 12 часов гудок на обед, и по громкоговорителю объявление – слушайте свои номера, и чей номер будет вызван – забирайте инструмент и в контору за расчетом. Было вызвано сто человек из четырехсот работников на пароходах. В первую очередь я не попал, на второй день такая же процедура повторилась, и я был лишен работы. Явился в контору, получил расчет, и свободная пташка – начал бегать по конторам искать работы. По мастерским особенно ссылались на знание языка, и возраст был тоже немалой причиной для поступления. Побегав недели две я решил поехать в Лейквуд к своим казакам, с которыми связался еще из Австрии. И они мне посоветовали приехать к ним, и я приехал, но получить работы я не мог через своих казаков. Каждый был занят своей работой, и бросать работу из-за того, чтобы устроить другого, это уже было не в русском духе. Каждый гнался за долларом, давали адреса, посылали туда-сюда, и пришлось скитаться как непристольная потерянная собака. Пришлось поступить на одну фабрику на работу для сборки окон четвертым рабочим, а проработав два года, там было рабочих до 70-ти человек, и оборот годовой был уже миллионный. Поступил управляющим один ненавистный еврей, и почему то он сразу невзлюбил меня, и стал меня перебрасывать с работы на работу, и следил за мной во всякой работе. И, наконец, привязался к тому, что я мало вставил стекол в рамы и замазкой замазал их. И вот на этом основании он со мной разделался. Хозяин тоже был еврей, но он ему особенно не верил. При разговоре с ним тот сказал, – или он, или я, но вместе работать я не буду, – и так хозяин, конечно, решил уволить меня. С хозяином и после встречались, он только пожимал плечами и говорил, – мне очень вас жаль, но что я мог сделать. Я начал искать другую работу, и опять через еврея контрактора по стройке на разных домов г-на Л. Я устроился в мастерскую, где делали мебель для домов, которые он делал. Хозяин был итальянец, очень хороший. И там же работал мой хороший знакомый как старший мастер В. Чеворков. Очень хорошо знал работу, и мы вначале 6 человек работали очень хорошо и дружно. Проработав два года, подошло время записываться на пенсию, и я записался. А можно бы было не подавать, а работать себе пока здоровье позволяло. Но был один, сбережения были на черный день, и я решил оставить работу, не предвидя, что через малое время жизнь моя изменится. Я встретил одну даму, с которой сговорился дожить совместно нашу старческую жизнь вместе. У нее был внук, с которым она приехала в Америку. Мальчику было 12 лет.. И вот мы сошлись с ней вместе. Купили домик за 6000 долларов денег наличных. У меня было всего 2500 долларов, а остальное пришлось взять в банке под моржу. 1000 долларов я взял в русском банке, я их уплатил быстро, а эти 3000 (долларов) до сих пор плачу и никак не могу уплатить. В 1956 году познакомился с одной дамой с внуком, которая приехала из Европы, вернее из Вены, где она потеряла дочь, которая служила переводчиком в советском консульстве. И в одно критическое время для нее было

Афанасий Петрович

НИКИТИН

крушение автомобиля, на котором она ехала. Получился инцидент, на котором она пострадала больше всех. Через 11 дней она отдала Богу душу. Мальчик остался одного года при бабушке и дедушке. Дедушка очень любил его, но одно время, живя в Вене, поехали с мальчиком в лес за грибами на велосипеде, дед свалился с велосипеда и умер на дороге. Мальчика предоставили бабушке, с которым она все время провела, работая на всякой работе, какая могла ей попасться – хоть бы поддержать мальчика до более хорошего времени жизни. И вот они имея хороших знакомых как семья Гавриловых, обратились к ним. Они были знакомы живя в Сербии и встречались в Австрии, и семья Гавриловых мало-мальски устроившись в Америке стала ходатайствовать за них. И вот они получили разрешение приехать к ним. В 1950 году они получили визы на выезд из Австрии в Америку, и в апреле месяце они были в Америке. Я тогда был очень близок к семье Гавриловых. Встретив там Ан. Бабенко, она мне понравилась, как будто – и я ей. И стали говорить, судить – рядить сойтися на совместную жизнь. Саша как мальчик не возражал бабушке в этом. Я как на грех в этом году выписался на пенсию. На фабрике меня оставляли, я бы мог работать долго, как другие. И вот мы решили уйти на квартиру, ушли в Томс Ривер. Прожили два месяца, нашли домик и решили его купить. И в декабре месяце перешли в свой собственный дом. Это было 1956 года декабря месяца. И проживя вместе один год, пришлось расстаться – 1957 года 28 декабря она умерла. И мы остались с Сашей вдвоем. Было по первому очень тяжело, я на работе, а он в школе. Приеду домой, он уже дома сидит, дожидается меня, когда я приеду с работы. Работа была моя не такая хорошая. Я работал на фабрике по столярству, где работали преимущественно кухни и кабинеты. Когда я поступал туда на работу, было рабочих 5-6 человек. Оба хозяева знали эту работу хорошо, и мы стали работать усиленно. И сразу дело пошло вверх. Очень быстро, через год нас работало уже до 30 человек. И перестали сами хозяева возить ставить эти кабинеты на места, а специальные рабочие тем занимались. А через 3-4 года рабочих стало до 100 человек, и в канцелярии стало 4-5 писарей. И адвокат, управляющий фабрикой почти каждый год делал постройку, расширяя это же помещение. Меня стали избегать как старика в работе – и край на край отказали совсем. Вот я сейчас лишь мечтаю о той работе, а работать не могу – нет здоровья. И сейчас живу дома один. Саша ходит в университет и учится на инженера строителя.

КОНЕЦЪ

<http://www.dk1868.ru/history/sagats3.htm>